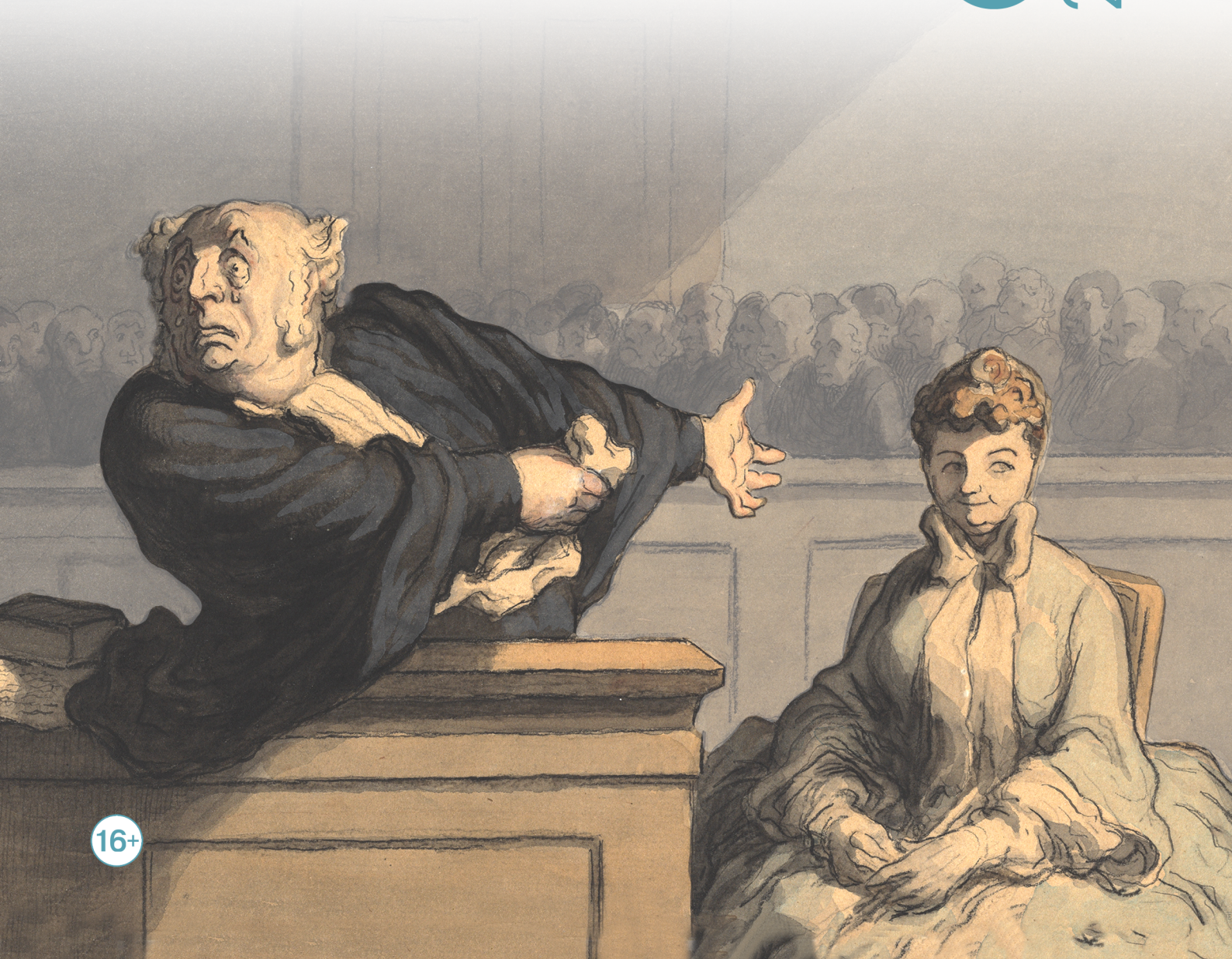

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК
международный научный журнал

5
2026

16+

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 5 (57) / 2026

Издается с мая 2017 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Курпаяниди Константин Иванович, PhD

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

При оформлении обложки использована картина Оноре Домье «Защитник».

Международный редакционный совет:

- Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и. о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребзов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Гречаная А.В. Информационное самоопределение личности и антикоррупционный контроль: поиск конституционного баланса	1
--	---

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Ивановский В.О. Институционально-управленческие аспекты противодействия коррупции в Министерстве культуры Челябинской области	7
---	---

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Воронкова М.К. Юридическая значимость электронных документов в деятельности малого предприятия	11
--	----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Кондратей А.А. Идентификация правомочий обладателя цифровых финансовых активов в системе объектов гражданских прав	13
--	----

АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Воронова С.С., Красник А.А. Критерии «санкционности» спора как условие применения статей 248.1 и 248.2 АПК РФ: широкий и узкий подходы к толкованию понятия в судебной практике	16
---	----

Гавришев М.И. Специфика распределения бремени доказывания в спорах, вытекающих из преддоговорных отношений	18
--	----

Зубарев Н.С. Участие уполномоченных по защите прав предпринимателей в судебном процессе в Российской Федерации	21
--	----

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Королев К.В. Дисциплинарные взыскания и меры материального воздействия на работников	25
--	----

Никулина И.И. Понятие и эффективность правового воздействия на профсоюзные организации в Российской Федерации	27
---	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Быков В.Ю. О некоторых проблемах определения пределов необходимой обороны	31
---	----

Рязанова П.Р., Лалетина С.В. Мошенничество в сфере компьютерной информации	33
--	----

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Информационное самоопределение личности и антикоррупционный контроль: поиск конституционного баланса

Гречаная Анна Владимировна, аспирант
Московский гуманитарный университет

*В статье изучается проблема сохранения баланса между публичным интересом противодействия коррупции и правом личности на информационное самоопределение, гарантированное статьями 23 и 24 Конституции Российской Федерации [1] в условиях цифровизации государственного антикоррупционного надзора. Цель настоящего исследования состоит в выявлении правовых оснований и формулировании доктринальных критериев конституционных пределов вмешательства государства в информационное самоопределение личности при реализации публичного интереса по предупреждению коррупционных правонарушений. Для достижения указанной цели в работе решаются следующие задачи: раскрыть содержание права на информационное (цифровое) самоопределение, проанализировать действующие механизмы антикоррупционного контроля через призму ограничения данного права, применительно к формированию и использованию «цифрового профиля» публичного должностного лица, а также предложить механизмы восстановления конституционного равновесия. Методологическую основу составляют сравнительно-правовой, формально-юридический методы, а также метод конституционного толкования, позволивший интерпретировать нормы Основного закона [1] в контексте инновационных технологических реалий общественной жизни. Теоретическая значимость работы состоит в развитии концепции права на цифровое самоопределение лиц, замещающих должности в системе публичной власти, в условиях информационной модернизации антикоррупционной деятельности: выявляются проблемы текущего нормативного регулирования и обосновывается необходимость законодательного закрепления понятия «цифрового профиля публичного должностного лица», формально определенных пределов и критериев допустимости цифрового мониторинга, исключая нивелирование фундаментальных конституционных прав личности. **Ключевые слова:** конституционные принципы, конституционные права, информационное самоопределение, цифровое самоопределение, публичная власть, государство, цифровизация, цифровой профиль, коррупция*

Informational self-determination of the individual and anti-corruption oversight: striking a constitutional balance

Grechanaya Anna Vladimirovna, Phd student
Moscow University for the Humanities

The article examines the problem of preserving a balance between the public interest in combating corruption and the individual's right to informational self-determination, guaranteed by Articles 23 and 24 of the Constitution of the Russian Federation [1], in the context of the digitalization of state anti-corruption oversight. The purpose of this research is to identify the legal foundation and to formulate doctrinal criteria for the constitutional limits of state interference with an individual's informational self-determination when pursuing the public interest in the prevention of corruption offenses. To achieve this goal, the following objectives are addressed: to elucidate the substance of the right to informational (digital) self-determination; to analyze the existing anti-corruption control mechanisms through the prism of limitations imposed upon this right in relation to the formation and use of the «digital profile» of public official; and to propose mechanisms for restoring constitutional balance. The methodological basis of the study comprises comparative-legal and formal-legal methods, as well as the method of constitutional interpretation, which enabled the provisions of the Constitution of the Russian Federation [1] to be construed in the context of new digital realities in the society. The theoretical significance of the work lies in the development of the concept of the right to digital self-determination of public authorities under

the conditions of technological modernization of anti-corruption activities: it identifies the problems of the current legal regulation and substantiates the necessity of legislatively enshrining the concept of the «digital profile of a public official», along with formally defined limits and criterias for the permissibility of digital monitoring that preclude the nullification of fundamental constitutional rights of the individual.

Keywords: *constitutional principles, basic rights, informational self-determination, digital self-determination, public authority, state, digitalization, digital profile, corruption*

Цифровая трансформация государственного управления, ставшая одним из национальных приоритетов развития Российской Федерации [2], за последние пять лет привела к качественному переосмыслению механизмов борьбы с коррупцией. На смену привычным инструментам пресечения правонарушений в сфере публичного управления (подача бумажных деклараций с последующей ручной проверкой, публикация сведений, периодические выездные проверки) приходят современные государственные системы непрерывного контроля (ГИС «Посейдон», ГИС «Антифрод», ГАС «Управление», Типовое облачное решение по оптимизации контрольной (надзорной) деятельности (ГИС ТОР КНД)) и системы, обеспечивающие общую открытость власти (такие как Единая информационная система управления кадровым составом государственной службы (ФГИС ЕИСУ), Единый портал государственных и муниципальных услуг (ФГИС ЕПГУ), Единая система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), ГИИС «Электронный бюджет», Государственная информационная система о государственных и муниципальных платежах (ГИС ГМП), Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий (ЕРКНМ), Единая информационная система в сфере закупок (ГИС ЕИС), Единая информационная платформа национальной системы управления данными (ЕИП НСУД)). Посредством работы государственных платформ, в том числе с помощью автоматизированной агрегации обширного пласта данных из различных ведомственных баз (ФГИС «ЕГР ЗАГС», информационные системы Банка России, ФНС России, Росреестра, Росимущества, Росфинмониторинга и иных ведомственных систем государственных органов, органов местного самоуправления, организаций государственного сектора), из открытых источников полномоченными органами аккумулируется и фактически в автоматическом режиме формируется так называемый «цифровой профиль» публичного должностного лица, позволяющий оптимизировать и повысить эффективность государственного управления [3, с. 110]. В связи с отсутствием законодательно закрепленного термина «цифровой профиль», его понимание неоднозначно в науке и практике [4, с. 110]. В 2019 году в Государственную Думу Российской Федерации вносился законопроект (впоследствии отклоненный депутатами) [5], дополняющий Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [6] нормами, определяющими понятие и инфраструктуру «цифрового профиля», регулирующие хранение и обновление данных профиля, получение согласия на их обработку. Базируясь на про-

екте, Постановлении Правительства РФ от 03.06.2019 № 710 [7], Методических рекомендациях Минцифры России [8], «цифровой профиль публичного должностного лица» в широком понимании можно определить как совокупность всех цифровых данных о лице, замещающем должность в системе публичной власти, содержащихся в информационных системах органов государственной власти и местного самоуправления, а также подведомственных им юридических лиц. В состав указанных сведений, помимо персональных данных самого лица, входит и информация о его связях (в том числе родственников) и контактных взаимодействиях, о совершении им различных действий [4, с. 110].

Преследуя правомерную конституционно-значимую цель борьбы с коррупцией (ст. 2 Конституции РФ [1]), с использованием указанных инструментов государство приобретает ресурс практически неограниченного непрерывного наблюдения за частной жизнью субъектов антикоррупционных ограничений, членов их семей (в том числе несовершеннолетних), а в перспективе и неопределенного круга граждан, подпадающих в область автоматизированных проверочных алгоритмов (связи субъекта) [9]. Что в условиях непрекращающейся технической модернизации всех сфер общественной жизни и, следовательно, дальнейшего расширения перспектив государственного аппарата по мониторингу, сбору и анализу данных о гражданах, приводит к фундаментальной конституционно-правовой проблеме при осуществлении антикоррупционного надзора в условиях цифровизации: проблема сохранения баланса между публичным интересом (антикоррупционный контроль) и информационным самоопределением личности.

Право на информационное самоопределение относительно новое для юридической науки понятие, получившее мировое признание после знакового решения Федерального конституционного суда Германии 1983 года по спору о применении положений Закона о переписи населения, профессий, мест проживания и работы [10]. Постановив, что в центре конституционного правопорядка находятся ценность и достоинство личности, свободно развивающейся в условиях демократического государства, суд указал, что право гарантирует способность человека самостоятельно свободно решать, когда и в каких пределах его персональные данные могут быть раскрыты и использованы. Обозначив проблематику того, что в условиях технологической модернизации новые возможности государства при автоматизированной обработке персональной информации могут угрожать конституционному праву на свободу личности, суд сформулировал право на информационное самоопределение

как право индивида не только устанавливать пределы раскрытия своих персональных данных, но и иметь возможность контролировать их дальнейшее движение, а также отметил необходимость его особой защиты. Тем самым закрепив на высшем уровне принципы транспарентности процедуры [11, с. 122] и свободы выбора человека при обработке его данных.

Сегодня, по прошествии более сорока лет с момента принятия вышеуказанного решения, по мере того как цифровые технологии проникли во все сферы общественной и частной жизни, персональные данные стали не просто статичным отображением информации о субъекте, требующим правовой защиты. В настоящее время они трансформировались в базу для профилирования личности и принятия автоматизированных управленческих решений [12, с. 99]. В ответ на подобный вызов цифрой эпохи, в отечественной и зарубежной науке концепция информационного самоопределения эволюционировала в концепцию цифрового самоопределения [13, с. 74], согласно которой сущность данного права человека состоит в предоставлении ему реальной возможности самостоятельно, посредством явно выраженного волеизъявления, определять не только объем размещаемых в виртуальном пространстве персональных данных, но и пределы их раскрытия и дальнейшего использования, а также осуществлять контроль за этими процессами [14].

Несмотря на то, что в настоящий момент в российском законодательстве право информационного (цифрового) самоопределения не выделено в качестве самостоятельной нормы, оно вытекает из взаимосвязанных конституционных гарантий на неприкосновенность частной жизни и запрета на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ч. 1 ст. 23 и ст. 24 Конституции РФ [1]). Поскольку, согласно Закону о персональных данных понятие персональные данные трактуется предельно широко как «любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу» [15], соответственно правовой охране подлежит и информация о лице в цифровом формате [6], [15]. Данная позиция нашла поддержку у Конституционного суда Российской Федерации, неоднократно отмечающего, что только само лицо вправе определить, какие именно сведения его частной жизни непротивоправного характера, должны оставаться в тайне и не подлежат контролю со стороны общества и государства [16], [17], [18]. В практике высших судебных инстанций отмечалось, что право на информационное самоопределение охватывает и защиту цифровых сведений о лице от их использования без явно выраженного волеизъявления [19], [20].

Применительно к реализации права на цифровое самоопределение гражданами, обладающими особым публично-правовым статусом должностных лиц [21], необходимо отметить следующее. В целях предупреждения коррупции [22] лицо, поступающее на государственную или муниципальную службу, безусловно, добро-

вольно принимает на себя обязанности данного статуса, неотъемлемым элементом которых является предоставление уполномоченным органам определенного объема личной информации [21]. Однако стремительно меняющееся законодательство неуклонно расширяет состав и объем подлежащей проверке информации [23] за счет внедрения инновационных механизмов [9], в том числе устанавливая непрерывный автоматизированный режим антикоррупционного мониторинга, используя нейронные сети, запрограммированные алгоритмы на основе искусственного интеллекта, формируя «цифровые профили» граждан.

Подобные изменения прежде всего лишают уже работающих должностных лиц реальной возможности определения пределов допустимого вмешательства в их частную жизнь, так как расширение надзорных полномочий происходит фактически в одностороннем порядке и лица оказываются по сути перед выбором дачи нового согласия на обработку данных или потери единственного источника дохода, что значительно влияет на критерий его добровольности. Кроме того, законодательно закрепленная модель «согласия» на обработку персональных данных [15] как ключевого средства защиты интересов субъекта демонстрирует свою функциональную несостоятельность в случае, когда лицу неизвестны конкретные логические и сложные алгоритмические процессы обработки сведений о нем, особенно в системах с элементами искусственного интеллекта [24]. Ввиду того, что осознанность дачи согласия можно поставить под сомнение, так как человек не являясь специалистом в сфере ИТ-технологий в реальности не понимает как именно и кем его данные будут обрабатываться. Более того, если автоматизированная система определяет определенный контекст и основывает на нем свое решение, используя при этом критерии неизвестные и неясные человеку, то «ущемляются его возможности индивидуального самоопределения, являющегося базой всей конструкции прав человека» [25, с. 34]. В данной ситуации лицо не может оценить какие сведения о нем становятся известны в определенных сферах его жизненных реалий, как они, его поведение и личные связи, будут оценены автоматизированным искусственным интеллектом и не увидит ли он в них признаки правонарушения. По сути, публичное должностное лицо оказывается ограничено в своей свободе самостоятельно планировать свою жизнь и принимать решения [10], что угрожает его конституционному праву на свободное развитие человека (ст. 2, ст. 7 Конституции РФ [1]). Что приводит к неразрешенному на сегодняшний день в законодательстве вопросу, являющемуся неотъемлемой частью поддержания баланса между публичным интересом борьбы с коррупцией и личным интересом по сохранению права на информационное самоопределение — каковы конституционные пределы добровольного сужения границ частной жизни лицами, занимающими должности в системе органов публичной власти, пересекая которые цифровой антикоррупцион-

ный контроль становится ограничением прав и свобод человека несоразмерным конституционно-значимым целям предупреждения коррупции? Кроме того, одной из составляющих данной коллизии является влияние современных механизмов антикоррупционного надзора на права третьих лиц, прежде всего, родственников служащих, в том числе несовершеннолетних, а также лиц, взаимодействующих с ними в открытом информационном пространстве. Не являясь частью системы государственной и муниципальной службы, не принимая на себя ее обязательств, часто даже не осведомленные о поступлении и обработке их данных в ведомственных информационных системах, с внедрением новейших инструментов пресечения коррупции они также фактически подпадают под постоянное государственное наблюдение.

Действующая система антикоррупционного законодательства, включая Федеральный закон «О противодействии коррупции» [22] и принятые во исполнении многочисленные подзаконные акты, не содержат четких и исчерпывающих критериев, позволяющих разграничить правомерный антикоррупционный непрерывный мониторинг и чрезмерное вмешательство в гарантированные Основным законом права личности, не определены правовые механизмы контроля за степенью и глубиной вмешательства. В нормативном массиве на законодательном уровне отсутствует закрытый перечень сопоставляемых при автоматизированной обработке информации сведений, в настоящее время каждый орган аккумулирует в своих базах отдельные сведения, которые являются доступными ему в рамках исполнения возложенных полномочий, а системы антикоррупционного надзора их сводят и анализируют. Таким образом, можно сделать вывод, что любая информация, которую тот или иной орган сочтет нужным внести в информационную систему, будет входить в так называемый «цифровой профиль» должностного лица, что также представляется не совсем корректным. Не закреплены предельные сроки хранения цифровых данных, дополнительные гарантии контроля лица над своими данными при увольнении из властных структур. Публичное должностное лицо в цифровой среде оказывается полностью прозрачным для государства, теряя контроль над предоставленной личной информацией и возможность влиять на ее дальнейшее движение, в том числе после увольнения со службы.

Заключение. В современных условиях эффективность государственного управления напрямую связана с использованием цифровых технологий, позволяющих применять новые и более эффективные решения для предупреждения коррупции в различных ее формах. Проведенное исследование свидетельствует, что цифровизация публичной сферы привела к формированию принципиально нового феномена — «цифрового профиля публичного должностного лица». Данный профиль стал не просто набором разрозненных сведений из различных ведомственных баз, а приобрел качество юридически значимого инструмента, опосредующего реализацию

государством своих контрольных полномочий по борьбе с коррупцией и одновременно затрагивающего фундаментальные права личности, гарантированные статьями 23 и 24 Конституции Российской Федерации [1].

Исследование правовых позиций Конституционного Суда РФ, эволюции доктрины информационного самоопределения в цифровое, а также действующего антикоррупционного законодательства Российской Федерации позволяет констатировать наличие возможного правового дисбаланса. С одной стороны, государство преследует легитимную и конституционно обусловленную цель эффективного противодействия коррупции, защищая права и интересы своих граждан (ст. 2 Конституции РФ [1]), публичные должностные лица обязаны соблюдать антикоррупционное законодательство (ст. 15 Конституции РФ [1]). С другой — существующее нормативное регулирование объективно не успевает за столь активным внедрением программных платформ и не обеспечивает необходимых и соразмерных гарантий от чрезмерного вмешательства в частную жизнь (ст. ч. 1 ст. 23 и ст. 24 Конституции РФ [1]). К числу наиболее острых проблем, выявленных в работе, относятся: отсутствие нормативного понятия «цифрового профиля»; неопределенность критериев, разграничивающих правомерный антикоррупционный мониторинг и избыточное вторжение государства в личную жизнь человека; несостоятельность института «согласия» в условиях непрозрачных и непонятных для гражданина алгоритмических процессов; нерешенность вопроса о пределах сужения границ частной жизни и объема гарантий ее защиты для публичных должностных лиц и игнорирование прав третьих лиц, не принявших на себя подобных обязательств.

В целях восстановления конституционного равновесия между публичным интересом и правом личности на информационное самоопределение представляется необходимым на законодательном уровне закрепить единое понятие «цифровой профиль», а также «цифровой профиль публичного должностного лица». Определить все аспекты правового регулирования создания и функционирования его инфраструктуры, строго ограниченный перечень категорий данных, подлежащих включению в профиль в рамках непрерывного антикоррупционного мониторинга, установить пределы автоматизированной обработки таких данных, исключающие возможность произвольного расширения состава сведений без явного волеизъявления субъекта либо прямого указания федерального закона, обеспечить гарантии информированности и осознанности публичного должностного лица и членов его семьи о факте, основаниях и алгоритмической логике обработки их данных, о последующем использовании профилей.

Только посредством такой формальной определенности может быть обеспечен правовой баланс, при котором антикоррупционный надзор, оставаясь эффективным инструментом защиты публичных интересов, не будет посягать на само существование конституционных прав человека.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. — 01.07.2020. — № 31. — Ст. 4398.
2. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. — 13.05.2024. — № 20. — ст. 2584.
3. Попова С. С., Беденкова А. С. Цифровой профиль: определение и применение в государственном управлении // Вестник Московского университета. — Серия 21. Управление (государство и общество). — 2024. — Т. 21. — № 1. — С. 98–120.
4. Минбалеев А. В. Понятие и правовая природа цифрового профиля человека / А. В. Минбалеев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». — 2022. — Т. 22. — № 1 — С. 110–116. — DOI: 10.14529/law220117.
5. Проект Федерального закона № 747513–7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации)» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/747513-7> (дата обращения: 01.04.2026).
6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. — 31.07.2006. — № 31 (1 ч.). — ст. 3448.
7. Постановление Правительства РФ от 03.06.2019 № 710 «О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах» // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 23. — Ст. 2963.
8. «Методические рекомендации по применению правил взимания платы за использование инфраструктуры, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме. Версия 1.0» (утв. Минцифры России) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Указ Президента РФ от 25.04.2022 № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 02.05.2022. — № 18. — Ст. 3053.
10. Решение Первого Сената Суда от 15.12.1983. 1 BvR209/83, 1 BvR269/83, 1 BvR362/83, 1 BvR420/83, 1 BvR440/83, 1 BvR484/83 // Избранные решения Федерального конституционного суда Германии. — М.: 2018. — С. 75–86.
11. Карпов С. А. Концепция информационного самоопределения и восстановление баланса сил в сфере обработки персональных данных // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 113–141. — DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-2-karpov.
12. Талапина Э. В., Черешнева И. А. Правовые проблемы ответственности за государственные управленческие решения с использованием искусственного интеллекта // Информационное общество. — 2024. — № 6. — С. 98–106. — EDN: AASLOI.
13. Черешнева И. А. Трансформация права на информационное самоопределение в эпоху развития искусственного интеллекта и других цифровых технологий: вызовы и перспективы // Юридические исследования. — 2025. — № 12. — DOI: 10.25136/2409-7136.2025.12.77307 EDN: TTVLDG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77307.
14. Карташкин В. А. Право на цифровое самоопределение: перспективы международно-правового регулирования // Современное право. — 2024. — № 9. — С. 151–156. — DOI: 10.25799/NI.2024.76.88.026 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. — 31.07.2006. — № 31 (1 ч.). — ст. 3451.
16. Определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2010 № 158-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Усенко Дмитрия Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
17. Определение Конституционного Суда РФ от 22.12.2015 № 2906-О «По жалобе некоммерческой организации «Ассоциация сельских муниципальных образований и городских поселений» на нарушение конституционных прав и свобод частью 2 статьи 6 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2015 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г. Ф. Грубич и Т. Г. Гущиной» // Вестник Конституционного Суда РФ. — № 5. — 2015.
19. Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 года N 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — № 2. — февраль. — 2019.
21. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 № 2361-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Астапова Игоря Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3.1 статьи 12 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
22. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. — 29.12.2008. — № 52 (ч. 1). — ст. 6228.
23. Федеральный закон от 28.12.2025 № 505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 29.12.2025. — № 52 (часть I). — ст. 8292.
24. Афанасьев С. Д., Терещенко И. А., Яцкевич Д. А. Биометрическая идентификация и права человека: демаркационная линия // Закон. — 2022. — № 3. — С. 33–46. — DOI: 10.37239/0869-4400-2022-18-3-33-46 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
25. Талапина Э. В. Право на информационное самоопределение: на грани публичного и частного // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2022. — Т. 15. — № 5. — С. 24–43. — DOI: 10.17323/2072-8166.2022.5.24.43.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Институционально-управленческие аспекты противодействия коррупции в Министерстве культуры Челябинской области

Ивановский Владимир Олегович, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье рассматриваются специфические коррупционные риски в сфере государственного управления культурной политикой на региональном уровне на примере Министерства культуры Челябинской области. Автор анализирует ключевые области потенциальных нарушений, включая распределение субсидий и грантов, проведение закупок для нужд учреждений культуры, управление государственной собственностью (объектами культурного наследия) и кадровые вопросы. На основе анализа нормативно-правовой базы и публичной отчетности ведомства предлагается комплексная модель системы предупреждения коррупции, сочетающая формальные институциональные механизмы и меры по формированию антикоррупционной культуры. Особое внимание уделяется внедрению цифровых инструментов прозрачности, повышению профессиональной этики и роли общественного контроля.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, управление в сфере культуры, региональные органы исполнительной власти, Челябинская область, коррупционные риски, общественный контроль, прозрачность.

Сфера культуры, несмотря на свой гуманитарный просветительский потенциал, нередко сталкивается с коррупционными практиками. Управление финансовыми потоками, материальными активами (включая объекты культурного наследия) и предоставление преференций в виде грантов или государственного задания создают благоприятную почву для злоупотреблений. Министерство культуры Челябинской области (далее также Минкультуры Челябинской области) как центральный орган управления данной сферой в регионе концентрирует в своей деятельности весь спектр этих рисков. Предупреждение коррупции здесь является не только требованием законодательства (Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1]), но и необходимым условием для эффективного достижения стратегических целей культурного развития региона, построения доверительных отношений с представителями профессионального сообщества и гражданами.

Рассмотрим специфику коррупционных рисков в деятельности Министерства культуры Челябинской области. Данные риски имеют институционализированный характер и связаны с основными функциями ведомства.

Особую обеспокоенность вызывают риски, связанные с распределением бюджетных ассигнований и субсидий, поскольку решения о предоставлении государственным и муниципальным учреждениям культуры, а также некоммерческим организациям (творческим коллективам) субсидий на реализацию проектов могут иметь неясные критерии отбора, сопровождаться субъективной оценкой заявок и конфликтом интересов членов конкурсных комиссий.

Не менее высоки риски при осуществлении закупочной деятельности (как непосредственно министерством, так и подведомственными ему учреждениями — театрами, музеями, библиотеками) в рамках государственных закупок: возможны сговоры с поставщиками, завышение смет на реставрационные работы, приобретение оборудования, издание полиграфической продукции [3].

Высоки коррупционные риски при взаимодействии с инвесторами и застройщиками в ходе управления объектами культурного наследия (ОКН): например, при принятии решений о постановке на охрану, проведении реставрации, согласовании проектной документации, сдаче в аренду [6].

Необходимо уделять особое внимание вопросам кадровых назначений при распределении руководящих позиций в зависимых структурах, а также при проведении конкурсов на замещение вакантных должностей в ситуациях, где возможны злоупотребления в виде протекционизма, предоставления преимуществ в силу семейственности.

Наконец, коррупционные риски возникают при организации и проведении культурных мероприятий, в частности при выборе подрядчиков для проведения фестивалей, праздников, концертов с крупным бюджетом [7].

Проанализируем систему предупреждения коррупции в Минкультуры Челябинской области. Формально в данном министерстве, как и в других органах власти, действует стандартный набор антикоррупционных мер: принятие Национального плана противодействия коррупции, обязательство сотрудников соблюдать требования к служебному поведению, проведение антикор-

рупционной экспертизы нормативных правовых актов, функционирование комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов.

Анализ публичных докладов и информации с официального сайта министерства позволяет выявить системные слабости. Одной из них является формализм: многие мероприятия носят отчетный характер и слабо влияют на реальный процесс принятия решений. Также наблюдается низкая прозрачность ключевых процедур: информация о заседаниях художественных советов и экспертных комиссий по грантам часто закрыта, протоколы и критерии оценок не публикуются в полном объеме. Характерно слабое вовлечение представителей профессионального сообщества и граждан; общественный контроль зачастую ограничен формальным участием в публичных слушаниях. Отмечается недостаточное внимание к профилактике с акцентом на реактивные меры (расследование уже состоявшихся нарушений) вместо создания среды, исключающей саму возможность коррупции [9].

Для минимизации коррупционных рисков предлагается трансформация формальной системы в эффективный механизм управления добропорядочностью, основанный на многоуровневой модели.

Для формирования антикоррупционной культуры в министерстве необходимо сосредоточиться на трех ключевых направлениях:

1. Во-первых, следует ввести целевое обучение и этический тренинг. Это предполагает организацию обязательных интерактивных тренингов для всех сотрудников министерства и руководителей подведомственных учреждений. Тренинги должны основываться на разборе реальных кейсов и этических дилемм, специфичных для сферы культуры, чтобы повысить их практическую ценность.

2. Во-вторых, необходимо внедрить институт антикоррупционного уполномоченного. Это предполагает назначение сотрудника, который будет выполнять функции внутреннего омбудсмена. В его обязанности будет входить конфиденциальный прием сигналов о потенциальных нарушениях и конфликтах интересов, а также предоставление консультационной поддержки.

3. В-третьих, важно стимулировать добросовестность. Для этого предлагается включить в систему ключевых показателей эффективности (KPI) руководителей показатели, связанные с прозрачностью их деятельности и уровнем доверия со стороны профессионального сообщества.

Реализация предложенной многоуровневой модели сопряжена с рядом практических задач, требующих последовательного решения [7].

Первоочередным шагом должны стать разработка и принятие целевой региональной программы «Антикоррупционная культура в сфере культуры Челябинской области», которая консолидировала бы финансовые, административные и методические ресурсы. Ключевым элементом на стартовом этапе является создание и апробация цифровой платформы

«Открытая культура Челябинской области». Ее разработку целесообразно проводить в тесном сотрудничестве с ИТ-специалистами и организациями гражданского общества, специализирующимися на открытых данных, что обеспечит соответствие платформы техническим стандартам и реальным запросам на информацию. Параллельно необходима масштабная работа по стандартизации и оцифровке внутренних административных регламентов министерства для перевода их в форматы, пригодные для алгоритмической проверки и контроля. Это создаст технологическую основу для минимизации человеческого фактора в ходе потенциально коррупциогенных процедур [10].

Ожидаемым прямым эффектом от внедрения модели должно стать значительное повышение прозрачности и подотчетности процессов распределения ресурсов. Публикация детализированной информации о грантах и субсидиях в режиме открытых данных позволит исследователям, журналистам и активистам проводить независимый анализ, выявляя аномалии и паттерны, указывающие на возможные злоупотребления. Алгоритмизация критериев и видеотрансляция заседаний комиссий снизят риски субъективного усмотрения и «теневых» договоренностей. В среднесрочной перспективе это приведет к повышению конкуренции за государственное финансирование и смещению фокуса участников рынка культурных услуг с лоббистских усилий на качественную проработку проектных заявок. Кроме того, для самого министерства снизится уровень репутационного риска возникновения публичных скандалов, связанных с коррупцией в подведомственной сфере.

Косвенные эффекты внедрения предлагаемой системы связаны с качественным преобразованием управленческой и профессиональной среды. Регулярное проведение этических тренингов, основанных на кейс-стади с опорой на практику региона, будет способствовать формированию у сотрудников устойчивых внутренних барьеров против коррупционного поведения. Институт внутреннего омбудсмена (антикоррупционного уполномоченного) может стать эффективным инструментом раннего предупреждения конфликтов и каналом для легитимного выражения озабоченности, что снизит уровень скрытой напряженности и недовольства. Усиление роли Общественного совета за счет наделения его реальными полномочиями легитимизирует внешний контроль, трансформируя его из оппозиционного в партнерский. Это будет стимулировать диалог между ведомством и профессиональным сообществом, способствуя выработке более взвешенных и общественно приемлемых управленческих решений [4].

Важным аспектом является оценка результативности предлагаемых мер. Для этого необходимо разработать систему мониторинга, включающую как количественные (например, доля закупок, проведенных у единственного поставщика; динамика обращений в правоохранительные органы; уровень раскрытия данных), так и качественные показатели (результаты регулярных

анонимных социологических опросов среди работников учреждений культуры и представителей НКО о восприятии уровня справедливости и непредвзятости процедур министерства). Сравнительный анализ этих показателей в динамике позволит объективно оценивать прогресс и своевременно корректировать применяемые инструменты. Эффективные практики, такие как конкретные алгоритмы оценки грантов или форматы общественных инспекций, должны быть документированы в виде методических рекомендаций для распространения в муниципальных управлениях культуры региона.

Таким образом, переход от формальной к действенной системе предупреждения коррупции в Минкультуры Челябинской области представляет собой комплексный управленческий проект, требующий политической воли, ресурсного обеспечения и последовательного воплощения. Его реализация позволит не только нивелировать специфические риски, но и выступит катализатором модернизации всей системы государственного управления в культурной сфере региона, повышая ее эффективность, легитимность и ориентацию на общественное благо. Предложенная модель, будучи апробированной и откорректированной с учетом региональной специфики, обладает значительным потенциалом для адаптации и масштабирования в других субъектах Российской Федерации [8].

Несмотря на тщательную проработку, внедрение модели может сопровождаться рядом системных и кадровых рисков. Ключевым из них является сопротивление части аппарата, привыкшей к закрытым процедурам, которое может выражаться в формальном соблюдении новых правил при фактическом саботаже или поиске обходных путей.

Другим значимым риском является недостаточная цифровая грамотность некоторых сотрудников министерства, а также представителей профессионального сообщества, особенно в муниципалитетах, что может снизить эффективность использования цифровой платформы. Также существует опасность буквалистского применения алгоритмических критериев, которое может привести к исключению новаторских, но рискованных проектов, не укладывающихся в стандартные рамки. Для минимизации этих рисков необходим поэтапный и адаптивный подход к внедрению, сочетающий пилотные проекты в отдельных сферах (например, только в грантовых конкурсах) с постоянной обратной связью. Обязательным элементом должна стать развернутая программа разъяснительной работы и мотивации для сотрудников, акцентирующая не только дисциплинарную, но и созидательную сторону изменений — формирование более комфортной и предсказуемой рабочей среды [9].

Долгосрочная устойчивость модели зависит от создания прозрачных и надежных механизмов ее финансирования и администрирования. Разработку и поддержку цифровой платформы «Открытая культура» целесообразно осуществлять в рамках государственно-частного партнерства, привлекая специализированные ИТ-компании

на конкурсной основе, что обеспечит постоянное обновление и техническую поддержку ресурса.

Финансирование программы «Антикоррупционная культура» должно быть закреплено отдельной строкой в региональном бюджете, защищенной от секвестра, а также дополняться возможностями привлечения федеральных грантов на реализацию лучших практик в сфере открытости. Организационное руководство проектом должно быть возложено на специально созданную при министерстве рабочую группу с участием внешних экспертов, которая будет координировать взаимодействие всех звеньев системы. Критически важным является обеспечение преемственности кадрового состава этой группы и института омбудсмена, для чего необходимо законодательно закрепить порядок их назначения и освобождения, гарантирующий независимость от сиюминутных административных решений [10].

Предлагаемая модель не должна существовать в вакууме и должна быть органично встроена в общероссийские тренды цифровизации государственного управления и национальные проекты в сфере культуры. Это открывает возможности для получения методической и финансовой поддержки. Платформа «Открытая культура Челябинской области» может быть технически и методологически интегрирована с федеральным порталом «Бюджет для граждан» и реестром субъектов малого и среднего предпринимательства — получателей поддержки, усиливая сквозную прослеживаемость финансовых потоков. Накопленные массивы открытых данных о культурных проектах в учреждениях станут качественной основой для аналитики в рамках федерального проекта «Цифровая культура», позволяя более точно оценивать реальный спрос и эффективность оказываемых услуг [9].

В долгосрочной перспективе совокупное воздействие предлагаемых мер способно привести к глубоким позитивным изменениям не только в управленческих практиках, но и в самой культурной экосистеме региона. Снижение коррупционных барьеров и повышение прозрачности создадут более здоровую конкурентную среду, где успех проектов будет в большей степени зависеть от их культурной и социальной ценности, чем от административного ресурса.

Укрепление доверия между государством в лице министерства, профессиональным сообществом и гражданами как потребителями культурных благ повысит социальную значимость и легитимность всей сферы культуры. В конечном счете трансформация системы управления с целью снижения коррупционных рисков позволит более эффективно концентрировать ресурсы на стратегических целях, способствуя росту качества культурного продукта, увеличению его доступности и, как следствие, повышению культурного капитала Челябинской области [9].

Подводя итог, можно констатировать, что предупреждение коррупции в Министерстве культуры Челябинской области требует выхода за рамки формального соблюдения общегосударственных предписаний.

Необходима адаптация антикоррупционных инструментов к специфике отрасли, где решения часто носят субъективный, экспертно-зависимый характер. Развитие цифровой прозрачности, алгоритмизация процедур, инвестиции в формирование профессиональной этики и создание институтов реального общественного контроля — ключевые элементы системного подхода. Его

реализация позволит не только снизить коррупционные риски, но и повысить качество управления культурными ресурсами, а также эффективность расходования бюджетных средств, способствуя устойчивому культурному развитию Челябинской области. Данная успешная модель может быть использована другими региональными органами управления культурой в Российской Федерации.

Литература:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О противодействии коррупции» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959
2. Указ Президента РФ от 29.06.2018 № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301352/
3. Жадан, В. Н. Об уголовно-правовом понятии коррупционных преступлений / В. Н. Жадан // Евразийский Союз Ученых. — 2014. — № 7–5. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-ugolovno-pravovom-ponyatii-korrupsionnyh-prestupleniy>
4. Кодан, С. В. Антикоррупционная подготовка в стратегии и практике противодействия коррупции / С. В. Кодан // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. — 2014. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antikorrupsionnaya-podgotovka-v-strategii-i-praktike-protivodei-stviya-korrupsii>
5. Мещерякова, А. Б. Анализ и оценка правовой статистики коррупционных преступлений в России: тенденции, ограничения и перспективы / А. Б. Мещерякова, А. Г. Кривоносова // Естественно-гуманитарные исследования. — 2024. — № 1 (51). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-i-otsenka-pravovoy-statistiki-korrupsionnyh-prestupleniy-v-rossii-tendentsii-ogranicheniya-i-perspektivy>
6. Антикоррупционная политика: учебник для вузов / под ред. Г. А. Сатарова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2026.
7. Сухарев, А. И. Управление в сфере культуры: правовые и экономические аспекты / А. И. Сухарев. — Москва: Юрист, 2022.
8. Ширалиев, И. С. Опыт профилактики и предупреждения коррупционных правонарушений в сфере государственных и муниципальных закупок в Свердловской области / И. С. Ширалиев // Московский юридический журнал. — 2024. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-profilaktiki-i-preduprezhdeniya-korrupsionnyh-pravonarusheniy-v-sfere-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-zakupok-v-sverdlovskoy>
9. Новости Министерства // Министерство культуры Челябинской области. — URL: <https://mincult.gov74.ru/>
10. Отчеты о деятельности Министерства культуры Челябинской области // Министерство культуры Челябинской области. — URL: <https://mincult.gov74.ru/mincult/activities/Otchets.htm>

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Юридическая значимость электронных документов в деятельности малого предприятия

Воронкова Мария Константиновна, студент

Научный руководитель: Кандаурова Ирина Александровна, кандидат исторических наук, преподаватель

Белгородский педагогической колледж

В статье рассматриваются вопросы юридической силы электронных документов в коммерческой деятельности. Анализируются виды электронной подписи, условия признания электронного документа равноценным бумажному, а также документы, которые нельзя перевести в электронный вид. Даются практические рекомендации по организации юридически значимого электронного документооборота и разбираются распространенные заблуждения.

Ключевые слова: электронный документ, электронная подпись, юридическая значимость, малый бизнес, электронный документооборот, правовые риски, локальный нормативный акт.

Для малого бизнеса переход на электронный документооборот часто сопряжен с сомнениями. Вопросы, которые волнуют руководителей: обладает ли электронный документ такой же юридической силой, как и бумажный? Какие документы допустимо переводить в цифровой формат, а какие нет?

С юридической точки зрения электронный документ — это информация в электронной форме, пригодная для восприятия человеком с помощью компьютера. Однако этого недостаточно. Чтобы информация обрела статус документа, она должна быть заверена. Бумажный вариант заверяется подписью и печатью. Электронный — электронной подписью. Именно подпись придает документу юридическую силу, а не сам файл [1].

Законодательством предусмотрено три вида электронной подписи, каждый из которых имеет разную юридическую силу. Простая электронная подпись представляет собой комбинацию логина и пароля либо код из смс-сообщения. Она подтверждает, что действие совершено конкретным пользователем, но не гарантирует неизменность самого документа. Подойдет для внутреннего документооборота, но не для серьезных сделок.

Неквалифицированная электронная подпись создается с помощью криптографических средств. Она позволяет установить лицо, подписавшее документ, и зафиксировать любые изменения после подписания. Такую подпись можно применять для большинства документов, если стороны заранее договорились об этом.

Квалифицированная электронная подпись считается самым надежным вариантом. Она создается сертифицированными криптографическими средствами, а ключ выдается аккредитованным удостоверяющим центром. Документы с такой подписью имеют полную юридическую силу и принимаются судами. Малому предприятию

стоит получить квалифицированную подпись хотя бы для руководителя и главного бухгалтера. Затраты небольшие, а выгода очевидна.

Чтобы электронный документ был признан равноценным бумажному, необходимо соблюсти три условия. Первое условие — наличие квалифицированной электронной подписи. Для некоторых документов допустима и простая подпись, если стороны согласовали это, но для полной юридической гарантии лучше использовать квалифицированную. Второе условие — согласие сторон на электронный документооборот. Это соглашение можно включить в договор или оформить отдельным документом. Если контрагент не согласен, отправлять ему электронные документы бессмысленно — юридической силы они не будут иметь. Третье условие — неизменность документа после подписания. Система электронного документооборота должна исключать возможность незаметного внесения правок. Именно для этого нужна электронная подпись — она фиксирует состояние документа в момент подписания [2].

При соблюдении этих условий электронный договор имеет точно такую же силу, как и бумажный. Налоговая служба принимает электронные счета-фактуры, суды — электронные договоры в качестве доказательств. В разъяснениях Министерства труда отмечено, что правила об электронном документообороте распространяются практически на все документы, связанные с трудовой деятельностью.

Однако не все документы можно перевести в электронный вид. Закон устанавливает исключения, связанные с защитой прав работников и требованиями государственных органов. В сфере трудовых отношений бумажными должны оставаться следующие виды документов: акты о несчастных случаях на производстве (они

имеют ключевое значение для расследования), приказы об увольнении (чтобы у работника всегда была возможность их обжаловать), а также документы о прохождении инструктажей по охране труда. Эти ограничения введены для защиты работников от возможного неправомерного изменения электронных документов задним числом [2].

Для организации юридически значимого электронного документооборота необходимо выполнить несколько шагов. Первый шаг — получить квалифицированную электронную подпись для руководителя и главного бухгалтера. Это делается в аккредитованном удостоверяющем центре. Вторым шагом — выбрать оператора электронного документооборота. Предпочтение стоит отдать тому, с кем уже работают основные контрагенты, чтобы избежать проблем с совместимостью. Третий шаг — издать локальный нормативный акт о переходе на электронный документооборот. В приказе или положении нужно указать дату перехода, используемые системы, а также перечень сотрудников, имеющих право подписи. Документ должен быть доведен до сведения всех работников под подпись. Четвертый шаг — получить согласие от контрагентов. Для каждого партнера, с которым планируется электронный обмен, необходимо письменное согласие. Оно может быть включено в договор или оформлено отдельно. В трудовых отношениях переход на электронный формат также требует письменного согласия работника. Исключения составляют лица, принятые на работу после 31 декабря 2021 года при отсутствии у них трудового стажа на эту дату — их согласие считается автоматическим. Пятый шаг — переводить документы в электронный вид постепенно. Начать лучше с договоров и первичных документов с крупными контрагентами, которые уже работают в выбранной системе [2].

В случае судебного спора электронные документы принимаются в качестве доказательств наравне с бумажными. Однако есть несколько нюансов. Суд может потребовать распечатанную версию документа — к этому нужно быть готовым. Доказательством служит не сам файл, а информация о том, кто и когда его подписал. Системы электронного документооборота хранят журналы подписания, которые можно запросить у оператора. Если подлинность подписи оспаривается, суд может назначить экспертизу. Квалифицированная подпись прак-

тически не вызывает сомнений, поскольку ее ключ хранится на защищенном носителе [1].

Существует несколько распространенных заблуждений об электронных документах.

Заблуждение первое: «электронная подпись стоит дорого». На самом деле квалифицированная подпись для руководителя обходится в несколько тысяч рублей в год. Экономия на бумаге, печати и курьерских услугах окупает эти затраты за пару месяцев.

Заблуждение второе: «электронный документ легко подделать». Подделать квалифицированную подпись практически невозможно — она защищена современными криптографическими алгоритмами. Риск подделки бумажной подписи значительно выше.

Заблуждение третье: «суд не примет электронный документ». Принимает, и все чаще. Судебная практика давно признает электронные документы с квалифицированной подписью полноценными доказательствами. Главное — соблюсти все формальности при обмене.

Заблуждение четвертое: «нужно полностью отказаться от бумаги, иначе все бесполезно». Это не так. Смешанный документооборот — совершенно нормальная практика. Важно, чтобы для каждого вида документа были установлены четкие правила [3].

Юридическая значимость электронных документов — это не предмет споров, а законодательно закрепленная реальность. Документ с квалифицированной электронной подписью имеет ту же силу, что и бумажный с печатью. Электронные договоры признаются судами, электронные счета-фактуры принимаются налоговой службой. Для малого предприятия отказ от электронного документооборота сегодня означает не экономию, а упущенную выгоду. Бумага, печать, курьерские услуги, архивные площади — все это стоит денег и отнимает время. Электронный документооборот позволяет работать быстрее, дешевле и надежнее [2].

При этом важно помнить об исключениях. Некоторые документы по закону остаются бумажными. Также необходимо получать согласие контрагентов и правильно оформлять локальные акты. При соблюдении этих требований электронный документооборот становится не только удобным, но и полностью безопасным с правовой точки зрения инструментом. А значит, малому предприятию стоит переходить на него уже сегодня.

Литература:

1. Руднова Е. В. Электронная подпись при создании служебного документа / Е. В. Руднова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 49 (496). — С. 378–379.
2. Чайка Л. Н. Отдельные аспекты ведения электронного документооборота в сфере трудовых отношений / Л. Н. Чайка. — Текст: непосредственный // Право и экономика. — 2023. — № 10. — С. 54–59.
3. Бельдова М. В. Вопросы нормативно-правовой регламентации делопроизводства / М. В. Бельдова. — Текст: непосредственный // Вестник ВНИИДАД. — 2024. — № 6. — С. 88–95.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Идентификация правомочий обладателя цифровых финансовых активов в системе объектов гражданских прав

Кондратей Анна Александровна, студент магистратуры

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Исследование направлено на определение содержания правомочий лица, признаваемого обладателем цифрового финансового актива. На основе анализа Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ и ст. 141.1 ГК РФ предложена модель разграничения обязательственных, корпоративных и распорядительных правомочий, а также раскрыта роль записи в информационной системе оператора как юридического факта легитимации. Сформулированы предложения по уточнению регулирования оборота цифровых финансовых активов.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровые права, объекты гражданских прав, правомочия, информационная система, обязательственные права, гражданский оборот.

Введение

Принятие Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» сформировало специальный режим выпуска и обращения цифровых финансовых активов (ЦФА) в гражданском обороте [1]. Параллельно Гражданский кодекс Российской Федерации закрепил категорию цифровых прав, определив их как обязательственные и иные права, существование и осуществление которых обусловлено правилами информационной системы (ст. 141.1 ГК РФ) [2]. Совмещение общего подхода ГК РФ и специального режима закона о ЦФА порождает трудности квалификации правомочий лица, признанного обладателем ЦФА.

В научной литературе отсутствует единая позиция относительно правовой природы ЦФА. Отмечаются как трактовки, ориентированные на признание самостоятельного цифрового объекта, так и подходы, сближающие ЦФА с бездокументарными ценными бумагами либо с цифровой формой удостоверения имущественных требований [3; 4; 5; 6]. Различие подходов усиливает неопределенность при конструировании статуса обладателя ЦФА, особенно при сочетании в одном выпуске денежного требования и иных имущественных прав.

Цель исследования состоит в определении состава правомочий обладателя ЦФА, выявлении их юридической природы и места в системе объектов гражданских прав. Для достижения цели решаются задачи: анализ нормативной конструкции ЦФА в законе № 259-ФЗ; сопоставление режима ЦФА с режимом цифровых прав по ст. 141.1 ГК РФ; описание структуры правомочий обладателя ЦФА; оценка значения записи в информацион-

ной системе оператора; формулирование предложений по уточнению регулирования.

Особое значение приобретает проблема соотношения объекта гражданских прав и удостоверяемого им права. Закон № 259-ФЗ описывает ЦФА через перечень возможных правомочий, тогда как гражданско-правовая традиция исходит из разграничения объекта и субъективного права. При цифровой форме учета риск смешения категорий возрастает: участники оборота нередко называют «активом» саму запись, хотя с гражданско-правовой точки зрения запись служит формой фиксации правомочия и механизмом его обращения. Вследствие указанного научное описание правомочий обладателя ЦФА требуется для корректной квалификации сделок, для выбора способов защиты, а также для определения объема диспозитивности условий выпуска и правил системы [3; 6].

Методологическая основа: формально-юридический анализ, системное толкование норм, а также приемы доктринального анализа.

1. Подходы к квалификации цифровых финансовых активов в доктрине

Наиболее распространены три направления научной квалификации ЦФА.

Первое направление исходит из признания ЦФА новой разновидностью имущественного блага, существующей в цифровой среде и обладающей самостоятельной оборотоспособностью. В рамках позиции акцентируется технологическая основа учета и исполнения, а также невозможность полного переноса традиционных конструкций на цифровую форму обращения [6].

Второе направление сближает ЦФА с институтом бездокументарных ценных бумаг. Аргументация строится на сходстве функций учета прав и механизма их перехода посредством записей, а также на сходстве эконо-

мического назначения ряда выпусков ЦФА с долговыми и долевыми инструментами [4].

Третье направление рассматривает ЦФА как цифровую форму удостоверения различных по природе прав: обязательственных требований, корпоративных прав участия, прав на получение ценных бумаг. В рамках позиции делается вывод о комплексном характере правомочий обладателя и о необходимости разграничения режима в зависимости от содержания конкретного выпуска [3; 5].

2. Соотношение режима ЦФА и режима цифровых прав

Статья 141.1 ГК РФ закрепляет общие положения о цифровых правах: распоряжение осуществляется по правилам информационной системы, а обладателем признается лицо, которое по правилам системы может распоряжаться соответствующим правом [2]. Закон № 259-ФЗ определяет ЦФА через указание на виды прав, удостоверяемых записью в информационной системе: денежные требования, права участия в капитале непубличного акционерного общества, права по эмиссионным ценным бумагам и права требования их передачи [1].

Соотношение категорий строится по модели «род — вид»: ЦФА относятся к цифровым правам, но состав цифровых прав шире. Примером иной разновидности выступают утилитарные цифровые права, возникающие в рамках инвестиционных платформ и направленные на получение вещей, результатов работ либо услуг [7].

Специальный режим ЦФА дополнен требованиями к участникам инфраструктуры: оператор информационной системы и оператор обмена подлежат внесению в реестры Банка России, а правила системы подлежат согласованию с регулятором [8]. Вследствие указанного режим ЦФА формируется не только нормами частного права, но и элементами публичного надзора, влияющими на способы легитимации и защиты.

3. Структура правомочий обладателя ЦФА

Содержание правомочий обладателя ЦФА определяется решением о выпуске и правилами информационной системы, при соблюдении императивных рамок закона № 259-ФЗ [1]. Для аналитических целей правомочия целесообразно группировать по функциональному назначению.

Право требования. При выпуске ЦФА, удостоверяющих денежное требование, обладатель приобретает право требовать исполнения от эмитента в предусмотренном объеме и сроки. Юридическая природа отношения имеет обязательственный характер; цифровая форма обеспечивает стандартизацию и облегчает последующий оборот требования [3; 5].

Распоряжение. Обладатель ЦФА вправе отчуждать актив, передавать его в залог, устанавливать иные ограничения в порядке, предусмотренном правилами информационной системы. Распорядительные действия реализуются через записи в системе учета; согласие должника на переход права при совершении сделок не требуется, если иное не установлено законом [2].

Корпоративные правомочия. При выпуске ЦФА, удостоверяющих права участия в капитале непубличного акционерного общества, возникает корпоративная связь с эмитентом. Обладатель получает набор прав участия, предусмотренный корпоративным законодательством и условиями выпуска; реализация прав опосредуется механизмами информационной системы [1; 5].

Защита. Обладатель ЦФА вправе требовать признания и восстановления нарушенных правомочий и возмещения убытков. Надлежащая конструкция защиты зависит от характера удостоверяемого права: для денежных требований применимы способы защиты обязательственных прав, для корпоративных прав применимы способы защиты прав участника общества. Отдельный массив вопросов связан с оспариванием неправомерных записей в информационной системе, что требует согласования гражданско-правовых и регуляторных механизмов [4; 8].

Пределы диспозитивности. Условия выпуска и правила информационной системы могут устанавливать ограничения оборотоспособности, например, круг допустимых приобретателей, сроки и порядок расчетов, основания приостановления операций. Подобные ограничения допустимы постольку, поскольку не противоречат императивам закона № 259-ФЗ и общим положениям ГК РФ о недопустимости произвольного ограничения правоспособности. Отдельного обсуждения требуют залог и обращение взыскания на ЦФА: механизм фиксации обременения и порядок реализации обеспечительного интереса должны быть детализированы в правилах системы и согласованы с регуляторными требованиями к операторам [1; 8].

4. Запись в информационной системе как юридический факт легитимации

Закон № 259-ФЗ связывает возникновение прав, удостоверяемых ЦФА, с моментом внесения записи о зачислении актива первому обладателю [1]. Запись выполняет двойную функцию: фиксирует принадлежность правомочий и легитимирует управомоченное лицо для участников оборота.

Статья 141.1 ГК РФ использует критерий способности распоряжения цифровым правом по правилам системы. С практической стороны легитимация достигается посредством средств аутентификации, закрепленных в правилах системы и обеспечивающих возможность совершения распоряжений [2].

Юридическая природа записи может быть описана как юридический факт, определяющий момент возникновения и перехода правомочий. По функциональному назначению запись сопоставима с учетными записями по бездокументарным ценным бумагам, однако технический и организационный контур различается, поскольку роль традиционного профессионального участника рынка замещается правилами и алгоритмами информационной системы [4].

Для совершенствования регулирования целесообразно нормативно уточнить порядок исправления учетных записей при споре о праве, а также распределение ответственности между эмитентом, оператором инфор-

мационной системы и оператором обмена. Уточнение снижает правовые риски и обеспечивает предсказуемость оборота.

Запись в системе может рассматриваться как презумптивное основание принадлежности права: для участников оборота она служит ориентиром при совершении сделок, а для оператора — основанием допуска к распоряжению активом. Порядок предоставления выписок и иных сведений о принадлежности ЦФА, а также порядок фиксации технических журналов операций целесообразно связывать с требованиями к правилам информационной системы, поскольку указанные документы имеют значение для доказывания принадлежности правомочий и объема распоряжений [8].

5. Модель юридической природы правомочий обладателя ЦФА

Содержание правомочий обладателя ЦФА позволяет обосновать комплексную модель их юридической природы.

Во-первых, при удостоверении денежного требования ядро статуса формируется обязательственным правом требования к эмитенту, а цифровая форма выступает способом учета и передачи [3].

Во-вторых, при удостоверении прав участия возникает корпоративное правоотношение, в рамках которого цифровой актив выступает способом фиксации статуса участника и реализации корпоративных правомочий [5].

В-третьих, распорядительные правомочия реализуются только внутри информационной системы; подобное ограничение обусловлено императивом ст. 141.1 ГК РФ и обеспечивает технологическую определенность оборота [2].

Указанные элементы указывают на смешанную природу правомочий: обязательственный и корпоративный компоненты сочетаются с специальной цифровой формой учета и перехода. С учетом выводов доктрины о близости конструкции ЦФА к режиму бездокументарных ценных бумаг представляется оправданным развитие специальных норм о легитимации, об обращении взыскания и о защите добросовестного приобретателя по аналогии с подходами к учетным правам [4; 6].

Литература:

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ст. 141.1 «Цифровые права».
3. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Цифровые финансовые активы: проблемы и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 43–54.
4. Захаркина А. В. Цифровые финансовые активы через призму учения о бездокументарных ценных бумагах // *Ex jure*. 2022. № 3. С. 55–69. DOI: 10.17072/2619-0648-2022-3-55-69.
5. Абрамова Е. Н. Цифровой финансовый актив как цифровая ценная бумага // *Гражданское право*. 2024. № 1. С. 10–13.
6. Новоселова Л. А. «Токенизация» объектов гражданского права // *Хозяйство и право*. 2017. № 12. С. 29–44.
7. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
8. Банк России. Цифровые финансовые активы и их операторы. URL: https://cbr.ru/finm_infrastructure/digital_oper/ (дата обращения: 22.02.2026).

Предложения по уточнению регулирования можно сгруппировать по трем направлениям. Первое направление связано с унификацией терминологии: в законе № 259-ФЗ целесообразно закрепить отсылку к критериям легитимации по ст. 141.1 ГК РФ и описать статус обладателя ЦФА через возможность распоряжения в системе. Второе направление связано с защитой прав при ошибочных либо несанкционированных операциях: требуется указать основания и процедуру внесения корректирующих записей, а также определить пределы ответственности оператора информационной системы при нарушении правил учета. Третье направление связано с оборотом обеспечительных прав: желательно установить минимальные требования к фиксации залога и иных обременений ЦФА в правилах системы, а также согласовать указанные требования с общими нормами об обеспечении исполнения обязательств [1; 2; 8].

Выводы

1. ЦФА относятся к цифровым правам и подчиняются общим положениям ст. 141.1 ГК РФ, а также специальным нормам закона № 259-ФЗ [1; 2].

2. Структура правомочий обладателя ЦФА зависит от содержания выпуска и может формироваться денежным требованием, корпоративными правами участия и распорядительными полномочиями [1; 5].

3. Запись в информационной системе выполняет функцию юридического факта возникновения и перехода правомочий, а также функцию легитимации управомоченного лица [1; 2].

4. Юридическая природа правомочий носит комплексный характер: обязательственный и корпоративный компоненты сочетаются с цифровой формой учета, близкой по назначению к учетным правам по бездокументарным ценным бумагам [4; 6].

5. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой гражданско-правовых механизмов исправления учетных записей при споре о праве, с уточнением распределения ответственности инфраструктурных участников, а также с анализом взаимодействия частноправовых и регуляторных требований при выпуске и обращении ЦФА [8].

АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Критерии «санкционности» спора как условие применения статей 248.1 и 248.2 АПК РФ: широкий и узкий подходы к толкованию понятия в судебной практике

Воронова София Сергеевна, студент;

Красник Анастасия Александровна, студент

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье авторы исследуют выработанные в судебной практике подходы к определению спора в качестве «санкционного» в целях применения статей 248.1 и 248.2 АПК РФ.

Ключевые слова: ограничительные меры, подсанкционные лица, международный коммерческий арбитраж, арбитражная оговорка, исключительная компетенция, ограничение доступа к правосудию.

В текущих реалиях, характеризующихся беспрецедентным экономическим санкционным давлением западных государств и США на Российскую Федерацию [1, 2, 3], защита российских хозяйствующих субъектов потребовала внесения изменений в национальное процессуальное законодательство. Фундаментальным элементом такой защиты стали механизмы, заложенные в статьях 248.1 и 248.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ), которые в настоящее время приобрели ключевое значение для защиты отечественного бизнеса. Указанные нормы позволяют перевести спор в российскую юрисдикцию и запретить иностранному процессуальному оппоненту инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде или международном коммерческом арбитраже [4]. Однако краеугольным камнем эффективности данного механизма стала неопределенность понятия «санкционности» спора.

Поскольку АПК РФ прямо не устанавливает критерии квалификации спора как «санкционный», такая неопределенность порождает для правоприменителя и участников спора принципиальную проблему: достаточно ли самого факта введения санкций или же односторонние ограничительные меры должны объективно блокировать доступ к правосудию за рубежом? Отсутствие единообразного подхода привело к поляризации судебной практики. С одной стороны, доминирует широкий подход, при котором сам по себе факт введения в отношении российского лица мер ограничительного характера признается судами достаточным для вывода об ограничении доступа такого лица к правосудию в иностранном государстве [7] и ст. 248.1, 248.2 АПК РФ становятся универсальным инструментом принудительной смены юрисдикции и отнесения спора к исключительной компетенции российских

арбитражных судов. С другой, суды все чаще придерживаются узкого подхода, при котором суды не только устанавливают предмет и субъектный состав соответствующего спора, но и детально исследуют все его обстоятельства и выявляют критерии, необходимые для реализации права на эффективную судебную защиту как лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера, так и других участвующих в споре лиц [5, 6].

Исключительная компетенция арбитражных судов Российской Федерации, согласно положениям статьи 248.1 АПК РФ, распространяется на две основные категории дел: во-первых, на споры с участием «подсанкционных» лиц (п. 1 ч. 1 ст. 248.1 АПК РФ); во-вторых, на споры одного российского или иностранного лица с другим лицом, если основанием таких споров являются введенные санкции (п. 2 ч. 1 ст. 248.1 АПК РФ). При этом компетенция российского суда возникает при условии, что соглашением сторон спор не отнесен к компетенции третейских судов (форум на территории Российской Федерации), либо если такое соглашение становится неисполнимым вследствие санкционных барьеров, препятствующих доступу к правосудию (в случае, если форум находится за пределами территории Российской Федерации в недружественной юрисдикции) (ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ).

В свою очередь, статья 248.2 АПК РФ дополняет этот механизм правом подсанкционного лица обратиться в российский арбитражный суд с заявлением о выдаче антиискового запрета (anti-suit injunction), позволяющего установить запрет инициировать или продолжать разбирательства за рубежом в государственных судах и третейских учреждениях. Кроме того, допускается вынесение запретов в отношении будущих, еще не начатых разбирательств при наличии доказательств того, что такие разбирательства будут инициированы, а также предъявля-

ние требований об обязанности процессуального оппонента совершить действия, направленные на прекращение разбирательства в иностранной юрисдикции, требований о запрете получать и приводить в исполнение в любом государстве любые арбитражные (третейские) решения или иные судебные решения¹ и др.

В совокупности указанные нормы призваны защищать российских юридических лиц от незаконного и необоснованного поражения их в правах ввиду введения санкционных ограничений. Вместе с тем эффективность данного механизма существенно снижается ввиду отсутствия единого стандарта применения указанных норм: суды демонстрируют диаметрально противоположные подходы к определению того, какие именно обстоятельства (от самого факта введения санкций до установления бремени доказывания «санкционных» барьеров при защите прав за рубежом) признаются достаточными для признания исключительной компетенции российского суда на рассмотрение такого спора.

Широкое толкование судами «санкционности» представляет собой магистральную линию в российской правоприменительной практике и исходит из того, что введение ограничительных мер само по себе создает асимметрию и ставит российское лицо в заведомо невыгодное положение в иностранной юрисдикции. В рамках этого подхода суды опираются на презумпцию ограничения доступа к правосудию: если санкции введены и являются предметом спора, презюмируется, что лицо не может рассчитывать на беспристрастное разбирательство или сталкивается с непреодолимыми барьерами (такими как недоступность иностранных представителей, отказы в выдаче виз, затруднения в уплате арбитражных сборов). Как следствие, арбитражная оговорка, относящая спор на рассмотрение в «недружественную» юрисдикцию, с высокой долей вероятности будет признана неисполнимой из-за мер ограничительного характера, создающих препятствия доступа к правосудию, вследствие чего спор будет перенесен в российское правовое поле.

Верховный Суд РФ последовательно закреплял именно этот подход. В Определении от 09.12.2021 № 309-ЭС21-6955 (1-3) по делу «Уралтрансмаш» (№ А60-36897/2020) была сформулирована презумпция ограничения доступа к правосудию для подсанкционных лиц, переносащая бремя доказывания обратного на оппонента. В Определении от 28.11.2024 № 305-ЭС24-13398 по делу «НС Банк против Лукойла» (№ А40-214726/2023) Верховный Суд добавил существенный критерий: применение ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ правомерно и тогда, когда условия рассмотрения спора изменились существенным и непредвидимым образом, включая процессуальные последствия санкций (обеспечение явки представителей, трудности в получении виз, в оплате арбитражных и визовых сборов, отказ иностранных консультантов от оказания услуг российским лицам и др.). Дополнительным

аргументом в пользу широкой трактовки служат судебные акты по делу «Русхимальянс против Linde» (Определение от 16.12.2024, № А56-129797/2022).

Несмотря на очевидные преимущества такого подхода, существует риск того, что подсанкционные лица будут злоупотреблять нормами для уклонения от действительных арбитражных оговорок даже там, где реальных препятствий доступа к правосудию нет. Более того, при отсутствии активов иностранного ответчика на территории Российской Федерации решение, принятое российским судом в порядке ст. 248.1, 248.2 АПК РФ, вероятнее всего, не будет признано и приведено в исполнение даже в наиболее лояльных иностранных юрисдикциях.

Узкий подход, напротив, отходит от формального факта введения санкций как основания для переноса спора в российскую юрисдикцию и требует от сторон доказывания обстоятельств, порождающих препятствия для доступа к правосудию при наличии санкционных ограничений. В таком случае обстоятельства, предусмотренные ст. 248.1 АПК РФ, не являются безусловным основанием для установления исключительной компетенции российских судов. Заявитель должен доказать, как именно введение санкций ограничивает доступ к правосудию в данном конкретном деле.

Одним из наиболее свежих примеров узкого понимания «санкционности» в контексте ст. 248.1, 248.2 АПК РФ является определение Арбитражного суда г. Москвы от 12.12.2025 по делу № А40-251326/2025, в котором суд отметил, что автоматическое применение ст. 248.1 АПК РФ невозможно без доказанного влияния санкций на доступ к правосудию в конкретном споре.

По мнению авторов, «санкционность» спора не может определяться исключительно фактом введения ограничительных мер в отношении стороны спора вне связи с обстоятельствами рассматриваемого дела, без установления совокупности доказательств, подтверждающих, что введенные ограничительные меры непосредственно повлекли поражение стороны спора в правах, как-то: лишение или существенное ограничение доступа к правосудию в иностранном суде, невозможность надлежащего осуществления судебного представительства либо потенциальное нарушение принципа беспристрастности судебного разбирательства. Слишком широкое толкование превращает российские суды в «гавань» для уклонения от изначально избранного сторонами форума; слишком узкое — оставляет отечественный бизнес без защиты в условиях усиленного санкционного давления.

Для устранения данной неопределенности и достижения баланса интересов сторон предлагается применить трехшаговый тест для целей применения ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ, устанавливающий примат доказывания следующих обстоятельств. На первом этапе (А) суду надлежит установить наличие причинно-следственной связи между введенными ограничительными мерами

¹ Из буквального содержания ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ не следует прямое указание на возможность введения запрета именно на признание и приведение в исполнение судебных и арбитражных решений, однако в силу ст. 174 АПК РФ суд вправе обязать сторону совершить определенные действия.

и существом спора: санкции должны непосредственно затрагивать предмет требований или практическую возможность исполнения будущего судебного акта. На втором этапе (В) оценивается, могло ли подсанкционное лицо разумно предвидеть введение ограничительных мер на момент согласования арбитражного соглашения. Третий элемент теста (С) требует от заявителя доказать наличие фактических препятствий для осуществления права на судебную защиту в иностранном форуме. Так, сам факт нахождения стороны под санкциями не может

являться достаточным основанием для того, чтобы преюдицировать факт ограничений доступа к правосудию. Только одновременное установление всех трёх элементов позволяет разрешить спор с применением положений ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ, что обеспечивает эффективную защиту прав подсанкционных лиц, лишённых возможности реализовать право на судебную защиту в иностранной юрисдикции, и недопущением злоупотребления процессуальными механизмами в целях одностороннего изменения подсудности.

Литература:

1. Council Regulation (EU) № 269/2014 of 17 March 2014 URL: <https://www.ndfr.nl/content/CELEX-02014R0269-20221114-ENG> (дата обращения: 01.04.2026).
2. Council Regulation (EU) № 833/2014 of 31 July 2014 URL: <https://www.legislation.gov.uk/eur/2014/833/article/12/2014-09-12> (дата обращения: 01.04.2026).
3. European Commission. FAQs on provision of services (services provision), Last update: 22 January 2026 (interpretation guidance). URL: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2023-07/faqs-sanctions-russia-services-provision_en.pdf (дата обращения: 01.04.2026).
4. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Определение Конституционного Суда РФ от 29 апреля 2025 года № 999-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29042025-n-999-o/> (дата обращения: 01.04.2026).
6. Определение Конституционного Суда РФ от 14.10.2025 № 2615-О. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412890381/> (дата обращения: 01.04.2026).
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2021 № 309-ЭС21-6955 (1-3). URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-09122021-n-309-es21-69551-3-po-delu-n-a60-368972020/> (дата обращения: 01.04.2026).

Специфика распределения бремени доказывания в спорах, вытекающих из преддоговорных отношений

Гавришев Михаил Иванович, студент

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

В реалиях современного гражданского оборота большую роль играют так называемые преддоговорные отношения, возникающие до итогового оформления волеизъявления сторон. Особенно важна эта стадия для профессиональных участников рынка. Нередко противоречия, возникающие на данном этапе, приводят к судебным спорам. Ввиду специфики таких отношений на практике могут возникать сложности с применением отдельных положений процессуального законодательства. Особенную роль играет вопрос о распределении бремени доказывания. Представляется интересным проанализировать нормативную базу и арбитражную практику, чтобы выявить специфические для данной категории дел аспекты правоприменения в судопроизводстве.

Говоря о нормативной базе преддоговорных отношений, стоит обратиться к Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее — ГК РФ), а именно осно-

вополагающей ст. 434.1 [2], регулирующей порядок ведения сторонами переговоров о заключении договоров. Данная статья содержит перечень действий, совершение которых влечет за собой гражданско-правовую ответственность для сторон, а именно:

- 1) Предоставление ложной или неполной информации либо умолчание об информации, имеющей значение ввиду специфики отношений (пп. 1 п. 2 ст. 434.1).
- 2) Внезапное прекращение переговоров, когда другая сторона не могла того ожидать (пп. 2 п. 2 ст. 434.1).
- 3) Распространение конфиденциальной информации, доступ к которой был получен во время переговоров (п. 4 ст. 434.1).

Данный перечень не носит исчерпывающего характера и может быть дополнен иными примерами недобросовестного поведения. В частности, за счет заключения

соглашения о порядке ведения переговоров с уточнением конкретных действий сторон (п. 5 той же статьи).

Также важно обратиться к ч. 1 ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ), который закрепляет общее правило распределения бремени доказывания: «Каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений» [1].

Анализ судебной практики и приведенных норм позволяет выделить следующие особенности. Прежде всего стоит обратить внимание на то, что толкование положений п. 2 ст. 434.1 ГК РФ, содержащееся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 [3] (далее — ПП ВС РФ № 7) формирует исключение из общепринятой для гражданских правоотношений презумпции добросовестности. Так, действия стороны, подпадающие под пп. 1–2 п. 2 указанной статьи, считаются недобросовестными. Бремя доказывания добросовестности таких действий на преддоговорном этапе будет лежать на лице, их совершившем: «Вместе с тем недобросовестность действий ответчика предполагается, если имеются обстоятельства, предусмотренные подпунктами 1 и 2 пункта 2 статьи 434.1 ГК РФ. В этих случаях ответчик должен доказать добросовестность своих действий».

Также в практике существует проблема, связанная с отсутствием единого перечня критериев, позволяющих сделать вывод о внезапности и недобросовестности прекращения переговоров. Следовательно, возникает сложность с разрешением вопроса о возможности применения правил-исключений и соответствующего переложения бремени доказывания с истца на ответчика.

В Постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28.01.2026 № Ф02–4521/2025 [4] описана следующая ситуация. Истец, ООО «М Кран», обратился в суд с требованием взыскать с ПАО «ГМК «Норильский никель» убытки в размере 12,5 млн рублей, которые, по мнению истца, возникли из-за недобросовестного ведения переговоров. Ответчик, признав коммерческое предложение истца лучшим по итогам конкурса, в письме от 06.12.2023 попросил его начать мобилизацию техники (перевозку крана) до подписания договора, однако 25.12.2023 уведомил об отказе от заключения сделки в связи с изменением собственной производственной программы. Истец счел такой отказ внезапным и неоправданным, потребовав компенсации расходов на уже начатую транспортировку.

Суды встали на сторону ответчика, указав на то, что заявленные требования не являются убытками вследствие недобросовестного ведения переговоров, а являются требованием о возмещении расходов, которые истец понес на свой риск в отсутствие соответствующего обязательства.

Суд кассационной инстанции отдельно заострил внимание на круге установленных ранее фактов, послуживших основанием для отказа в удовлетворении требований:

1. В ходе переговоров ответчик предоставлял истцу полную и достоверную информацию об обстоятельствах сделки.
2. Прекращение ответчиком переговоров не носит внезапный и неоправданный характер, поскольку решение об изменении производственной программы и оптимизации расходов доведено до истца в разумный срок.
3. На момент прекращения переговоров стороны не достигли соглашения по всем существенным условиям договора, включая срок исполнения.
4. Письмо, полученное истцом от ответчика, не конкретизирует виды мобилизационных мероприятий, в частности, не содержит указания на маршруты и сроки транспортировки.

Данное дело демонстрирует реализуемый судами подход к разрешению вопроса о распределении бремени доказывания. Первым шагом является формирование круга фактов, подлежащих доказыванию. После этого устанавливается соответствие таких фактов положениям подпунктов 1 и 2 пункта 2 статьи 434.1 ГК РФ. При отсутствии критериев, позволяющих установить такое соответствие, применяется общее правило о распределении бремени доказывания. В данном случае именно истец доказывал недобросовестность ответчика. Последнему пришлось обосновывать лишь разумность срока доведения до истца информации об изменении производственной программы.

Схожая ситуация возникает и при оценке полноты и достоверности информации, предоставляемой сторонами. Например, в Постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 27.06.2025 № Ф02–1837/2025 [5] приведена следующая ситуация. Истец, ИП Анненко Д. Н., обратился в суд с иском к ИП Жбанникову А. В. о расторжении предварительного договора купли-продажи земельных участков и взыскании 12,2 млн рублей (двойная сумма задатка). Истец указал, что передал ответчику задаток в размере 6,1 млн рублей, однако основной договор не был заключен, поскольку выяснилось, что часть земельных участков не принадлежит ответчику на праве собственности, что противоречило условиям предварительного договора.

Суды первой и апелляционной инстанций отказали в иске, посчитав, что предварительный договор прекратил свое действие, вина продавца в незаключении основного договора отсутствует, а факт передачи денег не доказан. Однако суд кассационной инстанции отменил эти решения и направил дело на новое рассмотрение, указав на необходимость правильной квалификации договора, оценки иных условий договора и возможности применения норм о недостоверных заверениях и добросовестности ведения переговоров. То есть суды усмотрели вероятность возникновения конфликта различных правовых институтов.

Еще один значимый практический аспект связан с приглашением о ведении переговоров. Сторонам следует конкретизировать ситуации и критерии недобросовест-

ного поведения в рамках такого документа. Это позволит минимизировать собственные риски, а также, в случае возникновения спора, перенести бремя доказывания на контрагента.

Так, согласно Постановлению Арбитражного суда Дальневосточного округа от 05.12.2023 № Ф03–5460/2023 [6], истец, ООО «РУСКОМ-Агро», обратился с иском к ООО «Кондор-Транс» о взыскании 250 000 руб. штрафа и 210 000 руб. убытков на основании соглашения о порядке ведения переговоров от 05.05.2022. По условиям этого соглашения стороны намеревались заключить договор купли-продажи вертолета с участием лизинговой компании, а за недобросовестное ведение переговоров предусматривался штраф. Ответчик 14.06.2022 уведомил истца о прекращении переговоров в связи с продажей вертолета третьему лицу, что истец расценил как недобросовестное умолчание о наличии другого покупателя и несвоевременное уведомление.

Однако составленное сторонами соглашение о ведении переговоров не предусматривало подобное действие со стороны продавца в качестве недобросовестного. Отказывая в удовлетворении исковых требований, суды ссылались на принцип свободы договора, согласно которому стороны самостоятельно несут риск того, что переговоры не окончатся заключением договора. То есть ни одна из сторон не вправе требовать от другой стороны возмещения понесенных в процессе переговоров расходов в случае их безрезультатности. В итоге суд отказался расширительно толковать условия соглашения, оставив бремя доказывания недобросовестности на истце в соответствии с общим правилом, с чем тот не справился.

В результате можно сделать ряд выводов относительно проблемы распределения бремени доказывания в спорах, вытекающих из преддоговорных отношений. Так, в практике выработался запрос на конкретизацию критериев, которые бы могли упрощать процесс правоприменения статьи 434.1 Гражданского кодекса. Это позволит минимизировать случаи добросовестного заблуждения относительно предмета спора, а также усложнить попытки целенаправленного злоупотребления правом.

Литература:

1. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 29.07.2002, № 30, ст. 3012
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс»
4. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28.01.2026 № Ф02–4521/2025 по делу № А33–26332/2024 // СПС «КонсультантПлюс»
5. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 27.06.2025 № Ф02–1837/2025 по делу № А19–25013/2023 // СПС «КонсультантПлюс»
6. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 05.12.2023 № Ф03–5460/2023 по делу № А59–5102/2022 // СПС «КонсультантПлюс»

Наиболее правильным видится отнесение к таким критериям следующих сведений:

1. Разумность и достаточность срока информирования контрагента о выходе из переговоров о заключении договора. Такое требование позволяет преодолеть неопределенность в оценке внезапности прекращения переговоров. Если истец доказал факт прекращения переговоров, ответчик должен доказать, что срок уведомления был разумным.

2. Достижение сторонами соглашения по большинству условий договора, в том числе существенным. Данный критерий позволяет разграничить стадию переговоров и стадию, близкую к заключению договора. Чем больше условий согласовано, тем весомее презумпция добросовестности стороны, и тем большее бремя доказывания обратного лежит на стороне, вышедшей из переговоров.

3. Конкретизация подготовительных мероприятий, проводимых сторонами во исполнение договора до его итогового заключения. Документальная фиксация таких мероприятий, распределение ответственности за их реализацию. Бремя доказывания недобросовестности контрагента может быть облегчено только при условии максимальной детализации обязанностей в соглашении о ведении переговоров.

4. Реальная необходимость в проведении подготовительных мероприятий.

5. Необходимость учитывать умысел сторон. В соответствии с положением абз. 2 п. 19 ПП ВС РФ № 7 «само по себе прекращение переговоров без указания мотивов отказа не свидетельствует о недобросовестности соответствующей стороны». Следовательно, судам, при формировании предмета доказывания необходимо обеспечить предоставление сторонами доказательств, которые бы позволяли делать вывод об их намерениях при ведении переговоров.

Включение таких критериев в практико-образующие акты вроде Постановление ПП ВС РФ от 24.03.2016 № 7 представляется наиболее простым и удобным способом разрешения правоприменительных противоречий нежели расширение норм законодательства.

Участие уполномоченных по защите прав предпринимателей в судебном процессе в Российской Федерации

Зубарев Никита Сергеевич, студент магистратуры

Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В предлагаемой читателям статье рассматриваются некоторые аспекты правового статуса Уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации. Особое внимание уделяется процессуальным формам участия Уполномоченных в судебных процессах. На основе анализа статистических данных и практики правоприменения дается оценка эффективности деятельности данного института.

Ключевые слова: Уполномоченные по защите прав предпринимателей, судопроизводство, бизнес-омбудсмен, предпринимательская деятельность.

Предпринимательство играет значительную роль в социально-экономическом развитии государства, формировании конкурентной среды, создании рабочих мест и обеспечении налоговых поступлений в бюджет. Защита прав субъектов предпринимательской деятельности является одной из фундаментальных задач современного правового государства.

Одним из ключевых институтов, обеспечивающих защиту прав и законных интересов бизнеса, является институт Уполномоченных по защите прав предпринимателей. В контексте реализации принципа федерализма на территории Российской Федерации данный институт существует на двух уровнях — общефедеральном и на уровне субъектов РФ.

Правовой статус Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей (далее — Уполномоченный при Президенте РФ) установлен Федеральным законом от 7 мая 2013 года № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации». Дополнительно к этому закону статус Уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации (далее — Уполномоченные в субъектах РФ) урегулирован законодательством субъектов.

Федеральный закон № 78-ФЗ к основным задачам Уполномоченного при Президенте РФ относит:

- 1) защиту прав и законных интересов российских и иностранных субъектов предпринимательской деятельности;
- 2) осуществление контроля за соблюдением прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности государственными органами;
- 3) содействие развитию общественных институтов, ориентированных на защиту прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности;
- 4) взаимодействие с предпринимательским сообществом;
- 5) участие в формировании и реализации государственной политики в области развития предпринимательской деятельности, защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности.

В целях исполнения возложенных задач, уполномоченные рассматривают поступившие жалобы, и в случае нарушения прав и свобод предпринимателей вправе обратиться в суд.

На сегодняшний день в российском процессуальном законодательстве участие уполномоченных в судебных процессах главным образом конкретизировано в арбитражном и административном судопроизводстве.

В соответствии со статьей 53.1 АПК РФ, уполномоченные наделены правом инициировать судебное разбирательство посредством подачи искового заявления в судебный орган.

Уполномоченный при Президенте РФ и Уполномоченные в субъектах РФ, обратившиеся в арбитражный суд, пользуются всеми процессуальными правами истца. Вдобавок к этому, уполномоченный при Президенте РФ также вправе вступить в уже рассматриваемое дело на стороне истца или ответчика в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований и обжаловать вступившие в законную силу судебные акты по правилам, установленным ст. 42 АПК.

Согласно со ст. 25.5.1 КоАП РФ, в административном процессе уполномоченные могут быть допущены к участию в деле в качестве защитника в случае ходатайства лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. В этом случае вступают в процесс в качестве защитника.

Напротив, в уголовно-процессуальном законодательстве вопрос об участии уполномоченного практически не урегулирован. Единственное упоминание уполномоченных по защите прав предпринимателей в УПК РФ содержится в ч. 3.2. ст. 28.1, согласно которой Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей должен уведомляться об отказе в прекращении уголовного преследования по ч. 3.1 ст. 28.1 УПК РФ.

Это является серьезным недостатком правового регулирования. Так, на 2023 год к уполномоченным по защите прав предпринимателей поступило 14603 обращения по уголовным делам, в том числе по вопросам уголовного преследования предпринимателей [1]. Действующие нормы уголовно-процессуального права требуют доработки в вопросе участия уполномоченных в уголовных делах, особенно в части формализации возможности вы-

ражения их мнения по делам, касающимся предпринимательской деятельности [2, с. 2].

Представляется, что значение института уполномоченных раскрывается именно на примере деятельности уполномоченных субъектов РФ, так в настоящее время он действует только на уровне субъектов Федерации.

После того как полномочия Уполномоченного при президенте РФ Бориса Титова истекли в июне 2022 года, в июне 2024 года он был назначен специальным представителем Президента Российской Федерации по связям международными организациями для достижения целей устойчивого развития. В результате, должность Уполномоченного при президенте РФ остается вакантной [3].

В качестве основных средств форм деятельности Уполномоченного, связанные с защитой прав и законных интересов предпринимателей следует указать:

- консультирование;
- направление заключений и рекомендации в государственные органы, органы местного самоуправления, их должностным лицам;
- принятие мер к урегулированию споров между предпринимателями, с одной стороны, и государственными органами, органами местного самоуправления, организациями и должностными лицами, действия которых обжалуются, с другой стороны (досудебное урегулирование споров);
- участие Уполномоченного в суде на стороне предпринимателя;
- обращение в органы прокуратуры и правоохранительные органы с информацией о фактах нарушения прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности;
- участие в выездной проверке, проводимой в отношении заявителя в рамках государственного контроля (надзора) или муниципального контроля;
- посещение мест содержания под стражей и учреждений, исполняющих уголовные наказания [4–6].

В 2024 году в аппарат Уполномоченного по правам предпринимателей в Калининградской области поступило 237 обращений, в том числе 27 жалоб. Уполномоченный участвовал в 76 судебных заседаниях в рамках 19 судебных дел [7].

Его коллега из Московской области за тот же год рассмотрел 2017 обращений и принял участие в 45 судебных заседаниях как по уже рассматриваемым, так и по новым делам (3 в арбитражных судах 2 в судах общей юрисдикции) [8, с. 25].

В Приморском крае в 2024 году в адрес Уполномоченного поступило 322 обращения, из них 187 письменных и 135 устных [9, с. 24].

Наибольшую результативность институт уполномоченного показывает в контексте участия в судебных разбирательствах. Судебная практика крайне обширна и охватывает широкий спектр правоотношений.

В 2024 году к Уполномоченному в Калининградской области обратился предприниматель по вопросу оказа-

ния содействия в оспаривании решения министерства природных ресурсов и экологии Калининградской области.

Из предоставленных материалов было установлено, что министерством было отказано в предоставлении участка недр в границах карьера «Сиреневка-2» для разработки и добычи общепользовных ископаемых. Основанием отказа стало отсутствие в документах компании оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС), которую, по мнению министерства, необходимо было представить на стадии подачи документов. Заявитель считал это требование необоснованным, поскольку прямого указания в законодательстве нет, а проведение ОВОС целесообразно на этапе проектирования. При этом стоимость оценки составляла не менее 1 млн рублей, без гарантии победы в аукционе.

Уполномоченным, в целях оказания содействия и помощи предпринимателю, было подготовлено и направлено в Арбитражный суд экспертное заключение с правовым анализом действий министерства, которое было приобщено к материалам дела. В дальнейшем, юристы аппарата уполномоченного представляли интересы предпринимателя в суде Калининградской области в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований. В феврале 2024 года Арбитражный суд Калининградской области удовлетворил требования компании: признал отказ министерства незаконным и обязал министерство в течение 30 дней принять решение о проведении аукциона на предоставление права пользования участком «Сиреневка-2» [10].

В 2025 году Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Нижегородской области добился возврата 28,26 млн рублей долга для нижегородской компании, вследствие нарушения условий государственного контракта [11].

Равным образом (для предпринимателя) завершилось судебное разбирательство в Севастополе, где Уполномоченный принял в судебном разбирательстве в качестве третьего лица со стороны предпринимателя, который обратился с жалобой на препятствия, создаваемые профильным департаментом для реализации права преимущественного выкупа помещения, принадлежащего городу и арендуемого предприятием. Суд первой инстанции удовлетворил требования предпринимателя, обязав профильный департамент заключить договор купли-продажи помещения по рыночной стоимости с рассрочкой платежей на 60 месяцев [12, с. 30].

В рамках уголовного судопроизводства, в Республики Хакасия Общество с ограниченной ответственностью обратилось к Уполномоченному с жалобой на необоснованное привлечение к уголовной ответственности работников предприятия (управляющего и инструктора игрового оборудования), вследствие травмирования несовершеннолетнего на игровой территории парка. В обращении отмечалось, что предоставление услуг осуществлялось в соответствии с законодательством, фактически в парке произошел несчастный слу-

чай не связанный с неисправностью оборудования и ненадлежащим исполнением должностных обязанностей работниками предприятия.

Первоначальная проверка в феврале 2023 года закончилась вынесением постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Однако в ноябре 2023 года обвинения были предъявлены: инструктору по ч. 2 ст. 118 УК РФ, а управляющей — по п. «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ.

Уполномоченный обратился к прокурору с просьбой оценить законность и обоснованность возбуждения дел, акцентируя внимание на отсутствии нарушений в деятельности организации, неубедительность выводов следствия об умышленном характере преступления и корыстном мотиве управляющего. Проверка прокуратуры не выявила нарушений норм уголовно-процессуального законодательства в связи, с чем в удовлетворении жалобы было отказано. Дело было передано в Абаканский городской суд. Однако суд вынес оправдательный приговор в отношении управляющего и инструктора развлекательного центра в связи с отсутствием состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 238 УК РФ. За подсудимыми

признано право на реабилитацию. Требования потерпевших в удовлетворении гражданского иска на общую сумму 1,5 млн рублей, оставлены без рассмотрения [13, с. 21].

Несмотря на тот факт, что количество обращений к Уполномоченному существенно ниже общего количества субъектов предпринимательской деятельности (в 2024 году в Калининградской области было зарегистрировано 58 тысяч предпринимателей — на 237 обращений; в Московской области более 457 тыс. — на 2017 обращений) [14].

На наш взгляд, институт бизнес-омбудсмена является одним из ключевых органов по защите прав предпринимателей. Его деятельность способствует формированию благоприятной деловой среды и укреплению доверия между предпринимательским сообществом и государством. В целом, его дальнейшее развитие, совершенствование и конкретизация законодательства будут способствовать повышению эффективности защиты прав бизнеса и устойчивому социально-экономическому развитию государства.

Литература:

1. Доклад Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей Президенту РФ — 2023 Текст: электронный // doklad.ombudsmanbiz.ru: [сайт]. — URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2023.html (дата обращения: 07.04.2026).
2. Головин, А. Ю. Полномочия уполномоченных по защите прав предпринимателей в уголовном процессе / А. Ю. Головин. — Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polnomochiya-upolnomochennyh-po-zaschite-prav-predprinimateley-v-ugolovnom-protse> (дата обращения: 07.04.2026).
3. Борис Титов перестал быть бизнес-омбудсменом — Текст: электронный // ПРАВО. РФ: [сайт]. — URL: <https://pravo.ru/news/242935/> (дата обращения: 07.04.2026).
4. Закон г. Москвы от 30.10.2013 N 56 (ред. от 24.09.2025) «Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в городе Москве» // Ведомости Московской городской Думы, 20.01.2014, N 12, ст. 327
5. Закон Калининградской области от 15.11.2013 № 268 (ред. 27.11.2024) «Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Калининградской области» // Калининградская правда, N 212, 23.11.2013
6. Федеральный закон от 07.05.2013 N 78-ФЗ (ред. от 14.10.2024) «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 13.05.2013, N 19, ст. 2305
7. Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Калининградской области за 2024 год URL: — Текст: электронный // ombudsmanbiz39.ru: [сайт]. — URL: <https://ombudsmanbiz39.ru/download/ezhegodnyj-doklad-o-deyatelnosti-upolnomochennogo-po-zashhite-prav-predprinimateley-v-kaliningradskoj-oblasti-za-2024-god/> (дата обращения: 07.04.2026).
8. Доклад об итогах деятельности уполномоченного по защите прав предпринимателей в Московской области в 2024 году — Текст: электронный // uzpp.mosreg.ru: [сайт]. — URL: <https://uzpp.mosreg.ru/download/document/16827708> (дата обращения: 07.04.2026).
9. Доклад Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Приморском крае за 2024 год — Текст: электронный // monitoring.zspk.gov.ru: [сайт]. — URL: <http://monitoring.zspk.gov.ru/файл/3270166/Доклад-pdf> (дата обращения: 07.04.2026).
10. Бизнес-омбудсмен оказала содействие компании в отстаивании своих прав по факту отказа регионального министерства природы в предоставлении участка недр в пользование. — Текст: электронный // ombudsmanbiz39.ru: [сайт]. — URL: <https://ombudsmanbiz39.ru/novosti/biznes-ombudsmen-okazala-sodejstvie-kompanii-v-otstaivanii-svoih-prav-po-faktu-otkaza-regionalnogo-ministerstva-prirody-v-predostavlenii-uchastka-neдр-v-polzovanie/> (дата обращения: 01.04.2026).
11. Бизнес-омбудсмен помог предпринимателю получить 28 млн рублей долга по госконтракту. — Текст: электронный // Деловая Россия: [сайт]. — URL: <https://xn—9sbjebacibab0bw.xn—p1ai/help/stories/sozdanie>

administrativnykh-barerov/biznes-ombudsmen-pomog-predprinimatelyu-poluchit-28-mln-rublej-dolga-pogoskontraktu/ (дата обращения: 07.04.2026).

12. Доклад о деятельности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в городе Севастополе в 2024 году — Текст: электронный // ombudsmanbiz92.ru: [сайт]. — URL: <https://ombudsmanbiz92.ru/wp-content/uploads/2025/04/Доклад-2024.pdf> (дата обращения: 07.04.2026).
13. Доклад уполномоченного по защите прав предпринимателей в Республике Хакасия о деятельности в 2024 году — Текст: электронный // vs19.ru: [сайт]. — URL: <https://vs19.ru/media/2025/03/doklad-sokrashchennyj.pdf> (дата обращения: 07.04.2026).
14. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства — Текст: электронный // rmsp.nalog.ru: [сайт]. — URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?statDate=10.12.2024&level=0&fo=2&ssrf=39&t=1771239996878&t=1771239996878> (дата обращения: 07.04.2026).

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Дисциплинарные взыскания и меры материального воздействия на работников

Королев Кирилл Вячеславович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В работе отражены особенности российского нормативно-правового регулирования привлечения работодателем работника к дисциплинарной ответственности, особое внимание уделено порядку наложения дисциплинарных взысканий, алгоритму действий, которых должен придерживаться работодатель в рамках обеспечения трудовых прав работника.

Ключевые слова: дисциплина труда, дисциплинарное взыскание, дисциплинарная ответственность, замечание, выговор, увольнение.

Статьей 189 Трудового кодекса Российской Федерации закреплено юридическое определение дисциплины труда, под которой понимается подчинение правилам поведения, обязательным для всех работников. Формальная определенность данных правил выражается в их утверждении Трудовым кодексом Российской Федерации, иными федеральными законами, трудовым договором, иными соглашениями и локальными нормативными актами работодателя.

В силу пункта 2 части 1 статьи 192 Трудового кодекса Российской Федерации под дисциплинарным проступком понимается неисполнение или исполнение ненадлежащим образом работником возложенных на него трудовых обязанностей при наличии вины данного работника в допущенных нарушениях. Указанные нарушения могут иметь различный характер, выражаться в несоблюдении требований законодательства, обязательств по трудовому договору, приказов и указаний работодателя, правил внутреннего трудового распорядка, должностных инструкций и регламентов, технических правил, нормативов или стандартов выполнения определенного вида работ или оказания определенного вида услуг и т. д.

Законом работодателю предоставлен выбор одного из трех видов дисциплинарных взысканий: замечание, выговор или увольнение.

Замечание считается самой легкой формой дисциплинарной ответственности, используемой при незначительных нарушениях. Выговор объявляют при повторении противоправного поведения или при совершении более тяжкого проступка, повлекшего более серьезные для работодателя последствия. Увольнение применяется при грубом нарушении трудовой дисциплины, которое может иметь однократный (прогул, появление на работе в состоянии опьянения) либо системный характер.

Системность выражается в совершении проступка работником при наличии неснятого дисциплинарного взыскания. Необходимо отметить, что штраф не считается дисциплинарным взысканием, его применение к работнику законодательно запрещено.

Для отдельных категорий работников могут быть предусмотрены специальные виды дисциплинарных взысканий. Например, машинист железнодорожного транспорта может быть лишен свидетельства на право управления локомотивом, моторо-вагонным подвижным составом, специальным самоходным подвижным составом. К работникам, занятым на особо радиационно опасных и ядерно опасных производствах, могут применяться дисциплинарные взыскания в виде строгого выговора или предупреждения о неполном соответствии занимаемой должности (выполняемой работе).

Вина работника за неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на него трудовых обязанностей подлежит обязательному подтверждению при привлечении его к дисциплинарной ответственности. Вина может выражаться как в совершении им виновного действия, так и в допущении виновного бездействия. Как правило, выделяют две формы вины: умысел (желание или допущение негативных последствий) и неосторожность (безразличное отношение к возможным негативным последствиям или самонадеянный расчет данные последствия избежать).

Именно, на работодателя возложена обязанность представить все необходимые доказательства в подтверждение факта совершения работником дисциплинарного проступка, а также обосновать выбор конкретного вида дисциплинарного взыскания при привлечении к дисциплинарной ответственности. Закон предписывает при наложении взыскания учитывать тяжесть совершенного

проступка, обстоятельства, сопутствующие совершению дисциплинарного проступка, причины и последствия допущенных нарушений, а также предшествующее поведение работника, его отношение к труду.

При привлечении работника к дисциплинарной ответственности работодатель должен придерживаться определенного алгоритма действий, обеспечивающих право работника на защиту.

До применения дисциплинарного взыскания работодатель должен затребовать от работника письменное объяснение. Учет полученного объяснения работника является обязательным при оценке сложившейся ситуации. Если по истечении двух рабочих дней указанное объяснение работником не предоставлено, то работодателем составляется соответствующий акт об отказе работника от дачи объяснения.

Дисциплинарное взыскание может быть применено не позднее одного месяца со дня обнаружения проступка, из указанного периода вычитается время болезни работника, пребывания его в отпуске, а также время, необходимое на учет мнения представительного органа работников (профсоюза).

Возможность наложения дисциплинарного взыскания также ограничена шестью месяцами со дня совершения проступка. Если основанием для данных действий работодателя послужили результаты ревизии, проверки финансово-хозяйственной деятельности или аудиторской проверки, то шестимесячный срок «увеличивается» до двухлетнего. Необходимо отметить, что в указанные сроки не включается время производства по уголовному делу.

Несоблюдение сроков привлечения к дисциплинарной ответственности исключает возможность применения дисциплинарного взыскания, независимо от того, подтверждены ли допущенные работником нарушения трудовой дисциплины или нет.

За неисполнение обязанностей, установленных законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции, нарушение запретов, ограничений в данной сфере нормативно-правового регулирования предусмотрен специальный срок применения дисциплинарного взыскания — 3 года со дня совершения проступка.

Так, в целях противодействия коррупции Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» установил для лиц, замещающих должности государственной и муниципальной службы, следующие запреты и обязанности:

- запрет использовать иностранные финансовые инструменты, пользоваться услугами банков, расположенных за пределами территории РФ;
- обязанность раскрывать информацию о доходах, имущественных активах, расходах, как собственных, так и членов семьи;
- обязанность сообщать о поступившем предложении совершить коррупционное правонарушение;

- обязанность принимать необходимые меры по недопущению возникновения конфликта интересов, немедленно уведомить работодателя в письменной форме о любой возможности такого возникновения и т. д.

Заработная плата (оплата труда работника) представляет собой вознаграждение за труд, которое наряду с основной частью в виде фиксированных денежных сумм (оклада) включает в себя компенсационные выплаты (доплаты и надбавки компенсационного характера) и стимулирующие выплаты (доплаты и надбавки стимулирующего характера, премии и иные поощрительные выплаты).

Система премирования устанавливается локальными нормативными актами работодателя, позволяет работодателю снижать премию работника в связи с применением к нему дисциплинарного взыскания. Размер такого снижения премии не может приводить к уменьшению размера месячной заработной платы работника более чем на 20%. Поскольку премирование является стимулирующей выплатой, то снижение или лишение премии не является дисциплинарным взысканием.

Факт применения к работнику дисциплинарного взыскания может учитываться при выплате только тех входящих в состав зарплаты премий, которые начисляются за период, когда данное взыскание было применено.

Применение к работнику дисциплинарного взыскания не может быть основанием для лишения на весь срок его действия входящих в состав зарплаты работника стимулирующих выплат или для произвольного снижения их размера. Также применение взыскания не препятствует начислению работнику дополнительных выплат, право на которые обусловлено его непосредственным участием в осуществлении отдельных, финансируемых в особом порядке видов деятельности и достижением определенных результатов труда (экономических показателей).

Необходимо отметить, что за один дисциплинарный проступок к работнику может быть применено только одно дисциплинарное взыскание. Поэтому работник не может быть уволен за нарушение трудовой дисциплины, за которое он был ранее привлечен к иной форме дисциплинарной ответственности.

Работодатель издает приказ о привлечении работника к дисциплинарной ответственности, с которым обязан ознакомить его под роспись в течение 3 рабочих дней, не считая времени отсутствия работника.

При несогласии с дисциплинарным взысканием работник может обжаловать его в Государственную инспекцию труда, Комиссию по трудовым спорам (КТС) или в суд. Срок направления заявления в суд составляет 3 месяца с момента ознакомления с соответствующим приказом работодателя, при увольнении срок для обращения в суд сокращен до 1 месяца.

Литература:

1. Ушаков В. Н. Специальная дисциплинарная ответственность: особенности правоприменения / В. Н. Ушаков // Вестник научной мысли. 2021. № 4. С. 100–105.
2. Филющенко Л. И. Трудовое право: Учебное пособие / Л. И. Филющенко, И. Н. Плешакова. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. 201 с.
3. Попов А. Н. Особенности правовой регламентации дисциплинарной ответственности должностных лиц // Молодой ученый. — 2016. — № 21. — С. 647–653.
4. Потапова Н. Д. Дисциплинарная ответственность: понятие и признаки // Современное общество и власть. 2017. № 2 (12). С. 111–114.
5. Рузаева Е. М. Специальная дисциплинарная ответственность как следствие ненадлежащего выполнения трудовых обязанностей // Вопросы российского и международного права. 2016. № 2. С. 111–126.
6. Хачатуров Р. Л., Липинский Д. А. Общая теория юридической ответственности: монография. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2017. 950 с.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. N 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.
8. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. N 52 (ч. 1). Ст. 6228.

Понятие и эффективность правового воздействия на профсоюзные организации в Российской Федерации

Никулина Ирина Игоревна, студент магистратуры

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

В данной статье проводится комплексный анализ понятия и эффективности правового воздействия на профсоюзные организации в современной России. Актуальность темы обусловлена трансформацией роли профсоюзов в условиях цифровизации экономики и изменения характера труда. Цель исследования — выявить системные проблемы и противоречия в правовом регулировании деятельности профсоюзов, а также оценить эффективность существующих механизмов правового воздействия. На основе анализа действующего законодательства, в частности Трудового кодекса РФ, Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», а также правоприменительной практики, автор раскрывает содержание правового воздействия, которое рассматривается как двусторонний процесс, сочетающий гарантии независимости профсоюзов и установление пределов их деятельности. В работе доказывается, что низкая эффективность правового воздействия проявляется в формальном применении норм о коллективно-договорном регулировании, слабости механизмов защиты от дискриминации профсоюзных активистов и недостаточной адаптации законодательства к новым формам занятости. В заключении предлагаются направления для совершенствования законодательства, направленные на повышение реальной, а не декларативной роли профсоюзов в системе социального партнерства.

Ключевые слова: профсоюзы, правовое воздействие, эффективность, трудовое право, социальное партнерство, коллективные права, гарантии деятельности, правовое регулирование.

The concept and effectiveness of legal influence on trade union organizations in Russian Federation

This article provides a comprehensive analysis of the concept and effectiveness of legal impact on trade union organizations in modern Russia. The relevance of the topic is determined by the transformation of the role of trade unions in the context of the digitalization of the economy and the changing nature of labor. The aim of the study is to identify systemic problems and contradictions in the legal regulation of trade unions and to assess the effectiveness of existing mechanisms of legal influence. Based on the analysis of current legislation, in particular the Labor Code of the Russian Federation, the Federal Law «On Trade Unions, Their Rights and Guarantees of Activity», as well as law enforcement practice, the author reveals the content of legal influence, which is considered as a two-way process combining guarantees of trade union independence and the establishment of limits for their activities. The paper argues that the low effectiveness of legal impact is manifested in the formal application of norms on collective bargaining

regulation, the weakness of mechanisms for protecting trade union activists from discrimination, and the insufficient adaptation of legislation to new forms of employment. In conclusion, directions for improving legislation are proposed, aimed at enhancing the real, rather than declarative, role of trade unions in the system of social partnership.

Keywords: trade unions, legal impact, effectiveness, labor law, social partnership, collective rights, guarantees of activity, legal regulation.

Введение

Профессиональные союзы исторически были и остаются ключевым институтом гражданского общества, призванным защищать трудовые права и интересы работников. В современной Российской Федерации их деятельность осуществляется в сложной системе правовых координат, где государственное воздействие сочетается с принципами свободы объединения и социального диалога. Эффективность правового регулирования в данной сфере является индикатором зрелости социального партнерства и сбалансированности интересов работников, работодателей и государства.

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов: во-первых, изменением структуры рынка труда и появлением новых, атипичных форм занятости (удаленная работа, платформенный труд), которые ставят перед профсоюзами новые вызовы; во-вторых, сохраняющимся дисбалансом в правоотношениях между работниками и работодателями, где последние зачастую обладают значительным ресурсным превосходством; в-третьих, необходимостью оценки того, насколько существующие правовые механизмы действительно способствуют укреплению роли профсоюзов как полноправных субъектов социального партнерства.

Целью настоящей статьи является теоретико-правовой анализ понятия «правовое воздействие» применительно к профсоюзным организациям и оценка его эффективности в современных российских условиях. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

1. Раскрыть содержание и специфику понятия «правовое воздействие» на профсоюзы, отграничив его от смежных понятий.

2. Проанализировать основные элементы механизма правового воздействия: гарантии независимости профсоюзов и установленные законодательством ограничения.

3. Выявить критерии и системные проблемы эффективности правового воздействия на основе анализа правоприменительной практики и научной доктрины.

Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ, синтез, системный подход) и частно научные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования).

1. Понятие и содержание правового воздействия на профсоюзные организации

В теории права «правовое воздействие» понимается шире, чем «правовое регулирование». Если регулирование представляет собой целенаправленное, результативное влияние права на общественные отношения с помощью системы правовых средств, то воздействие включает также информационные, ценностно-ориентирующие

и социально-психологические аспекты влияния права на сознание и поведение людей [1].

Применительно к профсоюзам правовое воздействие — это комплексное влияние всей системы права (не только трудового, но и гражданского, административного, уголовного) на процессы создания, деятельности и прекращения деятельности профессиональных союзов, а также на формирование правосознания их участников. Данное воздействие носит двусторонний характер:

— С одной стороны, это позитивное стимулирование: создание гарантий для свободного создания и независимого функционирования профсоюзов. Согласно ст. 30 Конституции РФ, каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Данная конституционная норма получила развитие в Федеральном законе от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» (далее — Закон о профсоюзах), который закрепляет их право на представительство и защиту социально-трудовых прав работников, ведение коллективных переговоров, заключение коллективных договоров и соглашений, осуществление контроля за их выполнением [2].

— С другой стороны, это установление правовых ограничений (рамки), определяющих законные цели и методы деятельности профсоюзов. Государство, гарантируя независимость, вправе требовать, чтобы деятельность профсоюзов не противоречила Конституции РФ и федеральным законам. Например, запрещается создание профсоюзов по признакам национальной или расовой принадлежности, а их деятельность не должна быть направлена на насильственное изменение конституционного строя.

Таким образом, содержание правового воздействия на профсоюзы составляет диалектическое единство гарантий их самостоятельности и установленных законом ограничений, обеспечивающее их интеграцию в правовое поле государства. Как верно отмечает М. В. Пресняков, «правовое воздействие на профсоюзы — это не только установление правил, но и создание условий для реализации их потенциала в качестве стабилизирующего социального института» [1, с. 48].

2. Механизм правового воздействия: гарантии и ограничения деятельности профсоюзов

Механизм правового воздействия на профсоюзные организации представляет собой систему взаимосвязанных элементов, ключевыми из которых являются гарантии и ограничения.

2.1. Система гарантий независимости профсоюзов

Законодательством предусмотрен широкий спектр гарантий, обеспечивающих реальную возможность проф-

союзов выполнять свои уставные задачи. Как подчеркивается в учебнике под редакцией Ю. П. Орловского, «гарантии прав профсоюзов есть установленные государством организационно-правовые средства, обеспечивающие реальную возможность осуществления профсоюзами их прав и законных интересов» [3].

— Гарантии имущественной самостоятельности: профсоюзы имеют право владеть имуществом, в том числе денежными средствами, необходимыми для выполнения уставных задач (ст. 24 Закона о профсоюзах).

— Гарантии для профсоюзных представителей: увольнение по инициативе работодателя руководителей профсоюзных органов в организации допускается только с согласия вышестоящего профсоюзного органа (ст. 374 ТК РФ). Это важнейшая процессуальная гарантия, призванная защитить профсоюзных активистов от давления. В. И. Миронов отмечает, что данная норма, несмотря на свою прогрессивность, на практике часто обходится работодателями [4].

— Гарантии доступа к информации: профсоюзы имеют право получать от работодателя информацию по социально-трудовым вопросам, необходимую для ведения коллективных переговоров (ст. 22 Закона о профсоюзах).

— Судебные гарантии: профсоюзы вправе защищать интересы своих членов в суде, а также обращаться в суд с заявлениями о нарушении трудовых прав работников.

2.2. Правовые ограничения и контроль за деятельностью профсоюзов

Ограничительная составляющая правового воздействия направлена на обеспечение законности и предупреждение злоупотреблений.

— Соблюдение законодательства: как и любое юридическое лицо или общественное объединение, профсоюз обязан действовать в рамках закона.

— Запрет на вмешательство в хозяйственную деятельность: профсоюзы не вправе напрямую вмешиваться в оперативное управление предприятием, хотя могут влиять на него через процедуры коллективно-договорного регулирования. Н. Г. Гладков указывает, что «проведение границы между правомерным влиянием и неправомерным вмешательством представляет значительную сложность в правоприменительной практике» [5].

— Контроль за соблюдением уставных целей: деятельность профсоюза должна соответствовать его уставу. В случае систематических нарушений возможно приостановление или ликвидация профсоюзной организации в судебном порядке.

Анализ показывает, что в российской правовой системе декларируется обширный набор гарантий, однако их практическая реализация зачастую сталкивается с серьезными препятствиями, что свидетельствует о проблемах эффективности.

3. Критерии и проблемы эффективности правового воздействия на профсоюзы

Эффективность правового воздействия — это соотношение между фактически достигнутым результатом (уровень защиты трудовых прав, масштабы коллектив-

но-договорного регулирования, снижение трудовых конфликтов) и социально-правовыми целями, поставленными в нормах права.

К критериям эффективности можно отнести:

1. Уровень охвата работников коллективными договорами и соглашениями.

2. Количество и результативность разрешения коллективных трудовых споров.

3. Статистика судебных дел о восстановлении на работе профсоюзных активистов.

4. Количество созданных и действующих первичных профсоюзных организаций.

Системные проблемы, снижающие эффективность правового воздействия:

1. Формализация коллективно-договорного процесса. Зачастую коллективные договоры носят декларативный характер, дублируя нормы ТК РФ, а не улучшая положение работников. Переговоры нередко ведутся с «карманными» профсоюзами, лояльными работодателю [6].

2. Слабость защиты от дискриминации. Несмотря на ст. 374 ТК РФ, на практике широко распространены практики скрытого давления на профсоюзных активистов (внутренние переводы, создание невыносимых условий труда), которые сложно доказать в суде [5, с. 115].

3. Пробелы в регулировании новых форм занятости. Трудовое законодательство, включая Закон о профсоюзах, в недостаточной степени адаптировано к регулированию труда платформенных, удаленных работников, что создает правовой вакуум для их объединения и защиты их интересов через традиционные профсоюзы [7].

4. Низкий уровень правовой культуры и профсоюзного сознания. Многие работники не видят в профсоюзах реальный инструмент защиты, а работодатели зачастую воспринимают их как досадную формальность, а не партнера. Л. А. Чиканова справедливо утверждает, что «без преодоления правового нигилизма как со стороны работников, так и со стороны работодателей, эффективность правового воздействия на профсоюзы будет оставаться невысокой» [8].

Таким образом, можно констатировать, что существующее правовое воздействие на профсоюзы в России демонстрирует среднюю степень эффективности. Нормы-гарантии работают недостаточно, в то время как ограничительные нормы соблюдаются более строго. Это приводит к дисбалансу, ослабляющему профсоюзы как институт.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Правовое воздействие на профсоюзные организации представляет собой сложный, двусторонний процесс, сочетающий систему гарантий их независимой деятельности и систему правовых ограничений, определяющих рамки допустимого поведения. Его ядро составляет законодательство о профсоюзах и социальном партнерстве.

Оценка эффективности данного воздействия свидетельствует о наличии системных проблем. Декларативный характер многих норм-гарантий, слабость механизмов защиты от антипрофсоюзной дискриминации, формализация социального диалога и неадаптированность к вызовам цифровой экономики — все это снижает реальный потенциал профсоюзов как инструмента защиты трудовых прав.

Для повышения эффективности правового воздействия необходимы следующие меры:

1. Ужесточение ответственности работодателей за нарушение прав профсоюзов, в том числе за создание препятствий их законной деятельности.

2. Совершенствование процедур коллективных переговоров, введение механизмов, стимулирующих стороны достигать содержательных договоренностей.

3. Развитие законодательства в части регулирования коллективных прав работников, занятых в новых, атипичных формах занятости.

4. Стимулирование создания независимых профсоюзов и повышение правовой грамотности работников.

Только при условии комплексного подхода, направленного на укрепление реальных, а не формальных гарантий, можно говорить о повышении эффективности правового воздействия и превращении профсоюзов в действенный институт социального партнерства в России.

Литература:

1. Пресняков М. В., Чаннов С. Е. Трудовое право: Учебник для магистров. — М.: Статут, 2020. — 543 с.
2. Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности».
3. Орловский Ю. П. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный). — М.: ИНФРА-М, 2022. — С. 890.
4. Миронов В. И. Трудовое право России. Учебник. — М.: Юрайт, 2021. — 1150 с.
5. Гладков Н. Г. Правовое положение профессиональных союзов в России: теоретические проблемы и практика реализации. — М.: Проспект, 2019. — 192 с.
6. Сафонов В. А. Коллективно-договорное регулирование трудовых отношений: проблемы теории и практики // Lex Russica. — 2022. — Т. 75. — № 4 (185). — С. 124–135.
7. Лютов Н. Л. Глобализация и трудовые права: новые вызовы для профсоюзов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2020. — № 5. — С. 45–56.
8. Чиканова Л. А. Профсоюзы в системе социального партнерства: правовые аспекты // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 12 (133). — С. 112–121.
9. Абрамова А. А., Абрамова О. В. Современные вызовы для профсоюзного движения в России: правовые аспекты // Трудовое право в России и за рубежом. — 2021. — № 3. — С. 34–37.
10. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 24.04.2024).
11. Официальный сайт Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР). — URL: <https://fnpr.ru>
12. Банк документов и материалов по трудовому праву и профсоюзной деятельности // Центр социально-трудовых прав. — URL: <https://trudprava.ru>

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

О некоторых проблемах определения пределов необходимой обороны

Быков Вячеслав Юрьевич, студент

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

В статье автор рассуждает о проблемах, возникающих в процессе квалификации деяний по уголовным делам, прекращенным в связи с отсутствием в деянии состава преступления и усмотрения в действиях признаков необходимой обороной, а также по материалам и уголовным делам по признакам преступлений, предусмотренных ст. 108 и ст. 114 УК РФ.

Ключевые слова: право, оборона, посягательство, защита, пределы.

Статья 45 Конституции Российской Федерации [1] провозглашает право каждого гражданина на защиту своих прав и свобод, осуществляемую законными средствами. К числу таких средств относится и необходимая оборона, использование которой допускается в пределах, установленных законодательством и обусловленных совершенно уникальными обстоятельствами.

Из содержания ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации [2] (далее — УК РФ) вытекает, что можно защищать не только свои права и интересы, но и любых других лиц, а также интересы общества и государства. Такая защита может выражаться в причинении вреда лицу, совершающему общественно опасное посягательство, или в уничтожении его имущества. Защита путем причинения вреда в определенных случаях не должна превышать пределы необходимой обороны.

Правом на необходимую оборону обладает каждый человек независимо от того, способен ли он избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам либо органам власти. Действия нападающего определяют и выбор стратегии: он вправе вступить в противостояние, отступить или вызвать помощь.

Наиболее важным признаком защиты, оценивать который чаще всего приходится на практике, является соответствие между средствами защиты и размером причиняемого при защите вреда — с одной стороны, характером и степенью общественной опасности посягательства — с другой.

Характер общественной опасности посягательства определяется направленностью преступного деяния на определенный объект. Чем выше уровень такой опасности, тем оправданнее применение более строгих мер защиты.

Согласно ч. 2 ст. 37 УК РФ превышением пределов необходимой обороны признаются умышленные действия,

явно не соответствующие характеру и опасности посягательства.

Термин «предел» понимается как «граница чего-нибудь, то, что ограничивает собою что-нибудь, последняя крайняя грань чего-нибудь». «За пределами» — вне чего-нибудь, вне границ, вне допустимого, возможного. «В пределы чего-нибудь» — в какие-нибудь рамки, применяя ограничения [3, с. 580].

Главный инстинкт любого биологического вида, в частности человека, состоит в стремлении к сохранению жизни. Человек, ориентируясь на данный внутренний импульс, осуществляет целенаправленные действия по сохранению собственного бытия и использует механизм защиты, предоставленный ему законодательством. Эти факторы обуславливают поиск и реализацию всех необходимых способов и средств для ликвидации любой угрозы. Ю. Н. Юшков утверждал, что «необходимая оборона как акт человеческого поведения основывается на инстинкте живых существ защищать себя от опасности. В ответ на угрозу человек пытается ей противодействовать или нейтрализовать ее» [4, с. 61].

Довольно трудно человеку точно оценить, насколько реальна и насколько велика общественная опасность, исходящая от посягательства, а также определить адекватный и необходимый объем оборонительных действий, который был бы пропорционален масштабу и характеру нападения. В связи с этим при реализации права на необходимую оборону зачастую можно наблюдать выход за допустимые пределы.

Тем не менее четкое разграничение в этой сфере затруднительно: тяжело заранее определить, какие действия будут правомерными, а какие нет, поскольку конкретные обстоятельства происшествий отличаются. Специалисты подчеркивают надобность доработки законодательства по необходимой обороне и предлагают применять в де-

лах о превышении полномочий защитника коллегия присяжных [5, с. 288–291].

Проблема № 1 — наличие опасности.

В практике определения момента возникновения посягательства, либо угрозы такого посягательства при реализации права на необходимую оборону заключается значительная сложность. На деле же подтвердить достоверность угрозы бывает непросто. Перед лицом опасности потерпевший вынужден всего за несколько секунд адекватно оценить степень ее объективности и принять меры по защите.

В момент опасности лицо, испытывающее стресс, скорее всего будет прибегать к более решительным, иногда жестким способам защиты. При этом иногда не исключена ошибка в квалификации противоправного деяния — различия между реальной и мнимой угрозой.

Проблема № 2 — границы превышения пределов.

Необходимо четко обозначить границы превышения пределов необходимой обороны. Для более четкой квалификации действий лица, которое использует свое право на необходимую оборону, следует оценивать соразмерность оборонительных действий, приведших к последствиям по отношению к посягательству, которому подвергается обороняющееся лицо, что требует подробного анализа со стороны правоохранительных органов. Возможно, стоит создать таблицу соотношения возможного вреда и посягательства, основываясь на утверждённом порядке определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека [6].

Проблема № 3 — применение оружия.

Еще одной проблемой считаю применение оружия в условиях необходимой обороны. Часто суды квалифицируют применение оружия как чрезмерное средство защиты, если у нападавшего не было оружия либо оно имелось, но отличалось меньшей степенью опасности в сравнении с оружием защищаемого лица.

Судебная практика, как правило, выступает за квалификацию действий в части превышения пределов необходимой обороны, если на обороняющегося бросился оппонент и применил в отношении него толчок, либо имело место избиение или удушение, однако пострадавший при этом не лишился сознания, четко определил ситуацию и осознал, что совершит при ответном выстреле, направленном на грудную клетку или голову, что является чрезмерным в сравнении с причиненным вредом.

С другой стороны, принимая во внимание слабость телосложения обороняющегося и панику, охватывающую пострадавшего в условиях суженной видимости произошедшего, если нанесенный удар попал по глазу и повредил нерв, либо обороняющееся лицо ощутило потекшую кровь, либо в случае если была повреждена челюсть, то в подобных обстоятельствах пострадавший даже не подумает об анализе причиненного вреда. Лицо, действуя в шоковом состоянии, может применить, например, хо-

лодное оружие или даже огнестрельное оружие и нанести рану, несовместимую с жизнью.

На мой взгляд, в ситуации выше было бы несправедливым признать действия оборонявшегося как превышение пределов необходимой обороны, ибо основная цель оборонявшегося — защита своей или чужой жизни, а степень тяжести вреда — лишь формальные критерии, которые устанавливаются на основе процентов утраты трудоспособности либо длительности расстройства здоровья.

Также примером служит нападение группы на одного человека. Понимая, что дать отпор физически невозможно, обороняющееся лицо применяет оружие, ранив или убивая нескольких нападавших. Вероятно, он понесет уголовное наказание, так как его противники были безоружны.

Каждый организм индивидуален и каждая ситуация уникальна, можно приводить много примеров из крайности в крайность, где истины существовать не будет, но нужно стремиться к полноценной оценке обстановки происшествия, включая личности сторон, их физическое состояние, психическое развитие и состояние в момент происшествия, окружение, возможные решения ситуации иными способами и много других элементов, на основе которых будет формироваться полная картина произошедшего.

Проблема № 4 — прогнозирование.

Несмотря на то, что непосредственная угроза применения насилия является основанием для применения необходимой обороны, на практике часто возникают ситуации, при которых обороняющееся лицо, предвещая нападение на себя, совершает меры по его предотвращению, в результате чего превышает пределы необходимой обороны. Например, девушка в вечернее время в пустом метро, направляясь домой, оказывается зажатой в углу платформы в окружении нескольких безоружных лиц, направляющихся в её сторону и высказывающих постыдные цитаты в её адрес, будучи испуганной быть изнасилованной, применила оружие в отношении группы лиц, застрелив нескольких из них.

С одной стороны, у нас имеются страх быть изнасилованной, физическая уязвимость, численное отставание, отсутствие свидетелей, а с другой отсутствуют следы нападения, оружие. Ситуация складывается таким образом, что человек начинает чувствовать панику, предугадывая самые худшие последствия, в результате чего защищает себя, превышая пределы необходимой обороны. Итог таков, что пока не тронули — лучше не защищаться.

Таким образом, можно отметить, что на сегодняшний день проблемы установления превышения пределов необходимой обороны остаются важными, сложными и актуальными. Существующая судебная практика демонстрирует разногласия, поскольку в подобных обстоятельствах некоторые суды квалифицируют действия как законные, а иные относят к противоправным деяниям.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 31.03.2026).
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006.
4. Юшков Ю. Н. Институт необходимой обороны и его роль в борьбе с преступностью в современных условиях // Гос-во и право. 1992. № 4.
5. Шамне А. Н. Некоторые дискуссионные проблемы института необходимой обороны // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 2.
6. Приказ Минздрава России от 08.04.2025 N 172н (ред. от 19.08.2025) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_506943/ (дата обращения 31.03.2026).

Мошенничество в сфере компьютерной информации

Рязанова Полина Романовна, студент;

Лалетина Софья Валерьевна, студент

Научный руководитель: Коротченков Денис Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент

Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева (г. Хабаровск)

В научной публикации анализируется категория мошенничества на анализе положений Уголовного кодекса Российской Федерации в редакции, действующей с 1 января 1997 года. Исследование норм уголовного законодательства позволило автору детально охарактеризовать специфические юридические черты деяний, совершаемых с использованием компьютерных технологий, а также выделить предусмотренные законом меры наказания за подобные противоправные посяательства.

Отдельное место в работе отведено эмпирическим данным о распространённости киберпреступной деятельности имущественной направленности на территории России. На основе обобщения представленной статистики предложены и проанализированы основные направления противодействия злоумышленникам в сети Интернет, включая правовые и организационно-технические способы защиты пользователей.

Ключевые слова: мошенничество, кибер-мошенничество, мошенничество в сфере компьютерной информации, уголовное право, наказание, Уголовный кодекс.

Мошенничество, совершаемое в сфере компьютерной информации, представляет собой относительно недавно выделенный вид уголовно наказуемого деяния. Его законодательное определение содержится в части 1 статьи 159.6 УК РФ. Под данным видом преступления понимается противоправное завладение чужим имуществом либо получение права распоряжения им через внесение, удаление, блокирование, изменение компьютерных данных, а равно посредством иного воздействия на работу устройств и систем, обеспечивающих хранение, обработку или передачу такой информации, включая информационно-телекоммуникационные сети [1].

Мошенничество, связанное с компьютерной информацией, нередко перекликается с иными составами преступлений: от традиционных форм обмана, предусмотренных статьёй 159 УК РФ, до неправомерного доступа к охраняемым данным по статье 272 УК РФ. Тем не менее статья 159.6 выделена законодателем самостоятельно, поскольку использование цифровых технологий обеспечивает правонарушителям более скрытый и оперативный способ извлечения выгоды, а формирование доказательств по таким эпизодам требует специальных

экспертных исследований. В связи с этим при квалификации подобных деяний необходимо учитывать не только положения соответствующей нормы уголовного закона, но и сложившуюся судебную практику, а также официальные разъяснения компетентных органов, включая Генеральную прокуратуру и Верховный Суд РФ; при этом обязательным элементом рассматриваемого состава выступает наличие прямого намерения завладеть чужим имуществом либо имущественными правами путём обмана или злоупотребления доверием [1].

Признаком рассматриваемого преступления выступает использование компьютерной информации как инструмента реализации противоправного замысла: это может выражаться во взломе баз данных, фишинговых схемах, несанкционированном перечислении денежных средств и иных формах вмешательства в цифровую среду. Обязательным последствием таких действий является причинение имущественного вреда либо возникновение реальной угрозы его наступления для потерпевшего. В отличие от классических форм обмана, объектом посяательства здесь нередко становятся электронные платёжные инструменты, цифровые активы и другие

нематериальные ресурсы, обладающие экономической ценностью.

В условиях стремительного развития цифровых технологий, повсеместного внедрения информационных систем и искусственного интеллекта деяния, подпадающие под диспозицию статьи 159.6 УК РФ, утратили характер единичных резонансных эпизодов и превратились в обыденное явление. Практически каждый человек потенциально может оказаться потерпевшим от действий киберпреступников. По данным ТАСС за 2025 год, около 96% граждан России так или иначе сталкивались с различными формами мошенничества в сети, а результаты опроса, проведенного Сбером и Rambler&Co, свидетельствуют о нарастающем объеме похищенных у населения денежных средств. Только за один год, по информации Сбера, объем хищений, совершенных кибер-аферистами, оценивается примерно в 275–295 млрд рублей. Дополнительный анализ, выполненный заместителем начальника Следственного департамента МВД РФ Даниилом Филиповым, показывает, что ежедневно фиксируется порядка 20 млн телефонных звонков мошеннического характера.

Распространенность таких посягательств объясняется тем, что присвоение чужого имущества путём обмана или злоупотребления доверием имеет древнюю природу, однако в цифровую эпоху получило новые технические формы. Общество зачастую недооценивает опасность подобных деяний и не придаёт значения предупреждающей информации, чем фактически облегчает деятельность преступников. Технологии и сценарии, которыми они пользуются, постоянно усложняются, поэтому риск стать жертвой существует даже у людей с высоким уровнем образования и цифровой грамотности. Ключевым орудием воздействия при этом остаётся не техника, а психологическое давление: эксплуатируются страх, чувство стыда, тревога, ощущение незащи-

щённости, вследствие чего потерпевший под влиянием эмоций принимает поспешные решения, кажущиеся внешне логичными и безопасными.

Создание ощущения дефицита времени и навязывание немедленного решения выступает одним из центральных инструментов, которыми пользуются мошенники. Уже в 2016 году Станислав Кузнецов, занимавший должность заместителя председателя правления Сбербанка, совместно со службой безопасности банка отметил появление и стремительный рост телефонных афер, исходящих из исправительных учреждений России. Было выявлено организацию специальных помещений, фактически функционировавших как «кол-центры»; наиболее резонансный случай связан со следственным изолятором «Матросская Тишина» в Москве. После 2020 года подобные структуры стали фиксироваться по всей стране и уже не ограничивались только местами лишения свободы.

Отдельной особенностью последних лет является осложненная международная обстановка, появляются усиление мошеннических практик, связанных с лицами из недружественных государств. Распространяются схемы, нацеленные на родственников и близких военнослужащих, подлежащих мобилизации: злоумышленники заявляют о мнимом пленении близкого человека и требуют перевода денег на указанные реквизиты якобы для улучшения условий содержания или оплаты лечения. В ситуации эмоционального шока и страха за жизнь родного человека люди нередко поддаются на давление и переводят все имеющиеся средства.

Исходя из изложенного, для минимизации рисков целесообразно применять специализированные расширения для браузера, обеспечивающие установление защищённых зашифрованных соединений, а также использовать менеджеры паролей — программные средства, позволяющие безопасно хранить аутентификационные данные и систематизировать управление ими.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026)
2. Абдульмянова Т. В., Асанова И. П., Данилов В. В. Мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ): понятие, уголовно-правовая характеристика и некоторые особенности расследования // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 1–1. С. 134–145.
3. Борсученко С. А., Амосов Е. А. Мошенничество в сфере компьютерной информации: вопросы теории и практики // Цифровизация рыночных отношений: вопросы экономики и права: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (25 марта 2020 г.). М.: Изд-во РГ-Пресс, 2020. С. 3–9.
4. Гладких В. И. Эволюция норм об ответственности за мошенничество в российском уголовном законодательстве // Deutsche Internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft. 2021. № 10–2. С. 21–23.
5. Джусь А. С. О некоторых способах совершения мошеннических действий в отношении денежных средств граждан, находящихся на платежных картах // Сибирские юридические студенческие чтения: материалы XVIII Междунар. науч. конф. студентов (15 мая 2020 г.). Омск: Частное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический университет», 2021. С. 204–207.
6. Крюкова И. В., Алимamedов Э. Н. Фишинг как вид интернет-мошенничества // Наукосфера. 2021. № 2–2. С. 196–201.

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 5 (57) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».
420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
Номер подписан в печать 18.05.2026. Дата выхода в свет: 21.05.2026.
Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121
Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>
Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Академика Кирпичникова, д. 25.